

Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 года Карла Струве и Григория Потанина

Летом 1864 года мы начали свое путешествие из Урджарской станицы, которая находится при южной подошве Тарбагатая. 14 июня мы совершили переход на ключи Муқанчи, у восточной подошвы каменистой возвышенности Джайтүбэ, лежащей уединенно в Алакульской равнине, в 30 верстах от подошвы Тарбагатая. Муқанчи лежат к юго-востоку от Урджарской станицы на зимнем пути из этой станицы в китайский город Чугучак. Степь была уже выжжена жарой, и цвело только одно растение: *СОПУШУЛЬБ рзеисю — сапаЪгса; Нарюруйит Гаигоийит*, очень распространенный в этой степи, был уже с плодами. Нанос, окружающий подошву Джайтүбэ, покрыт низкими кустиками *Нииһитя БегБегйБля*, на которой также зрели плоды. Здесь же мы встретили несколько экземпляров отцветших *Егетозіасіуз рһотоіое5*, что указывало, что от Джайтүбэ к югу непосредственно начинается низменность озера Алакуль. На каменистой вершине Джайтүбэ растут спиреи и *Зіаіісе саШсота*. К востоку от Джайтүбэ, в одной версте, находятся ключи Муқанчи, образующие зеленый и влажный оазис посреди высохшей и сожженной равнины Алакуля. Ключи, выступая из почвы, образуют лужи с соленой грязью по краям, имеющие сток в русло р. Катынсу, которое в это время года было уже без воды. Вода была разведена по пашням гораздо выше этого места. Нижние части стоков Муқанчей образуют саз — болото. Как кажется, Муқанчи принадлежит к ряду тех болотистых образований, которые бывают неизбежным явлением у тех речек, вода которых без остатка разводится по ирригационным каналам. Название Муқанчи встречается еще несколько раз в Западной Джунгарии²².

---

²² К югу от озера Алакуль Шренк собирал некоторые растения в урочище Маканчи; в архиве Правления области сибирских киргизов сохранилось известие об Махачи, урочище на р. Или, где находилась урга джунгарского хана и была слобода бухарских земледельцев; это последнее урочище может быть тождественно с упоминаемыми у Риттера Махацин — долина в Тянь-Шане (Риттер. II. С. 160) и Маци — станция на Тянь-Шане во время похода Гулагу.

На зеленом лугу Муқанчей чоло-казак Ахмет Баймуратов основывает деревню в 50 дворов: он уже выстроил себе дом из воздушного кирпича и завел здесь пашню на 10 десятинах и огород, а также приобрел семена китайской кормовой травы муис (по-китайски мусюй) и хочет заняться травосеянием. К зиме для отопления дома у него заказано 4000 кирпичей навозных дров. Со временем Ахмет намерен устроить здесь водяную мельницу. Несколько восточнее, на Катынсу, старшина волости Тума устраивает другую деревню в 50 дворов из своих егинчей. Положение места на зимней дороге в Чугучак, без сомнения, упрочит благосостояние этих новых колоний.

Стремление к оседлости у местного кочевого населения очень заметно; многие киргизы и чоло-казаки подают прошения на отвод земель, все спешат поскорее занять место и обзавестись явочным актом на него; иногда подают прошение на одно и то же место разом; так, на земли, заявленные Ахметом Баймуратовым, уже есть какой-то претендент-киргиз. Передовыми людьми в этом деле являются богатые киргизы, старшины волостей и чоло-казаки — мельники или мелкие торговцы. Это вообще люди, предвидящие упрочение русской власти в будущем в этой стране, и потому Ахмет Баймуратов не только обзавелся правительственным актом на дозволение поселиться на Муқанчах, но хотел бы иметь подробный план своей деревни, утвержденный губернатором. Большинство же кочевого населения и смутно не предчувствует, какую цену будут иметь впоследствии эти правительственные акты, и не обращает пока внимания на возникающие среди него поземельные права. Ахмет Баймуратов сетовал пред нами, что киргизы не имеют никакого понятия о законах собственности и выпускают свой скот на его луга, несмотря на предъявления им бумаги, прописанной губернатором.

Но как человек, умеющий смотреть в будущее, по крайней мере, на 40 лет, Ахмет Баймуратов решился терпеливо сносить невежество киргизов относительно поземельных прав, пока они не воспитаются в новых воззрениях.

К востоку от Джайтубе до гор Бакты холмистая местность была покрыта выгоравшей от солнца растительностью. Во множестве встречались Ерһесіга, Нинһеітіа БерБеріғоға, Зрігаеа и Сагаҫапа ітіезсенз; в одном месте мы встретили куст Аһаді Кірҫһізошт; нигде более мы ЭТОТ кустарник не встречали. На пути мы иногда встречали оставленные китайские хутора; первый из них находился

между реками Катынсу и Лайбулак; на реках Ласты мы миновали хутор, в котором были и обитатели; около оставленных хуторов было много сухих арыков, по краям которых росла *Zorhoga aiuresigioies*; это растение и чий вообще растут, хотя и на сухой глинистой почве, но всегда в таких местах, где весной была большая влага; потому мы часто встречали их или близ копаней с водой, но не на самом берегу, а на таком расстоянии, где почва уже совершенно суха, или подле русл, совершенно уже высохших к половине лета. Между реками Бакты и Ласты мы должны были перевалить через значительную возвышенность, служащую связью между каменной сопкой Бакты и хребтом Тарбагатай. Бакты также сильно вдаются на юг от Тарбагатая, как и Джайтубэ, но гораздо значительно последней по высоте и менее, кажется, уединенной, потому что соединяется с Тарбагатаем посредством вышеупомянутого высокого перешейка. Название этой горы, кажется, испорченное киргизами китайское название Богдо. Две речки, текущие с Тарбагатая, омывают ее подошву, одна — Бакты, с западной стороны, другая — Ласты, с восточной. С высокого перешейка, на который мы должны были подняться, мы ясно могли видеть на равнине, расстилавшейся к востоку от горы Бакты, город Чугучак; можно было даже различить белешую церковь русской фактории от других зданий.

Река Ласты берет начало в ущелье Тарбагатая, в котором находятся китайские каменноугольные копи и по которому также проходит караванная дорога из Чугучака через Тарбагатай, в котловину Зайсана, через горный проход Хабарасу. Спустившись к р. Ласты, мы поднялись подле нее в ее ущелье и, миновав каменноугольные копи, остановились в русском отряде, стоявшем при проходе Хабарасу, на довольно значительной абсолютной высоте. Отряд был расположен на гребне гор, поднимавшихся на западной стороне долины речки Казыкты или Чимырсык, которая, кажется, сливается с р. Ласты. Возле отряда, несмотря на высоту, цвели некоторые растения, свойственные равнине; здесь, например, цвела *Zorhoga aiuresigioies*. В тенистом ущелье р. Казыкты было соединено почти все богатство тарбагатайской флоры; кустарники *Сга1аеҒиз*, *Бопісера Іаіагса*, *ВеҒБегіз һеіегоросіа*, *Ату'за'аБҮз* папа, *Соіопеазіег уиІҒагІ5*, ивы и тополи оттеняли иногда болотистые берега речки Казыкты; тут же была собрана разнообразная однолетняя флора: *ЕріЮБішп аңҒизиЮіиит*, *Сһеіісіопіт таҒиз*,

Уегоніса, Адгітоніа, Бауаіера ініг'діаса, Нурегісит һуззорігоііит и Н.зсабгит, Зііепа уізсоза, Раігіпіа ініегтесііа, АігаŞене тасгореіаіа, Несіузагит роіутогрһит и, наконец, в необыкновенном изобилии Ігііса саппабіпа. Исключительно на обнаженном наносе речных валунов цвели Мугісагіа аіоресігоісіез, по-киргизски балгын и УегБазсит Тһарзиз. Оба последние растения мы встретили здесь в первый раз; может быть, впрочем, они растут в глубине и других южных долин Тарбагатая, но на равнине, примыкающей с юга к Тарбагатаю, мы не встречали ни того, ни другого, а вместо того в большом изобилии УегБазсит зоопŞогісит. Подобно последнему и Азігае;аліз Зіеуегзіапиз, по-киргизски тюлькютассак, растущий в изобилии вне ущелий Тарбагатая от Урджара до Бакты, изредка встречается в южных его долинах.

20 июня мы посетили каменноугольные копи, которые находятся на восточном берегу речки Каракитэт (кажется, киргизское название р. Ласты или особое название горного течения этой речки). Пласт каменного угля лежит между наклоненными пластами песчаника и вырабатывается китайскими рабочими в виде тоннеля. В одной из лощин, лежащей между песчаниковыми холмами, мы нашли несколько окаменелых раковин — единственная наша палеонтологическая находка в Тарбагатае. Окаменелости эти переданы путешествовавшему одновременно с нами по Тарбагатаю горному инженеру Татариниу. В 0,5 версты выше копей, по той же р. Каракитэт, находится китайский пикет, где живет китайский офицер; пикет этот принадлежит пикетной линии, которая идет от Чугучака до Черного Иртыша, сначала вдоль южной подошвы хребта Тарбагатая, потом через горный проход Боргуссутай, поперек долины Кызылчилик, через горную массу Манрак и, наконец, пересекая равнину Черного Иртыша, до того места на этой реке, против которого с севера впадает р. Кальджир.

Того же числа вечером мы поднялись на Хабар и скоро достигли зоны Рарауег аірііп. Дорога идет по верхним окраинам глубоких ущелий, которые крутизною своих боков напоминали ущелье Алет. Сколько мы видели южных ущелий Тарбагатая (Алет, Казыкты, Кульдененсу, Сарчиганак), все они характеризуются в сравнении с северными своей глубиной и крутизной боков, потому что они падают в глубокую равнину Алакуля. Мы ехали по верх-

ним окраинам ушей, дно которых было уже покрыто вечерней мглой; еще до сумерек мы успели подняться на такую высоту, что могли видеть южную равнину Алакуля, ограниченную на юге хребтом Барлык, на востоке — Учкочар, а на севере — предгорьями Тарбагатая — Ачудасты и Бакты.

В сумерках мы были на вершине прохода Хабар и миновали небольшой караван-сарай, построенный одним торгующим киргизом для проезжающих зимой купцов. Здание это было необитаемо, построено из сланца и могло вместить не более 20 человек. Это здание, свидетельствующее о расположении киргизов покровительствовать торговле, оказывает немаловажную ей услугу, потому что во время зимы на Хабаре бывают сильные вьюги. Хабар теперь утратил большую часть своего значения, но в предшествующие века этот проход служил воротами обширных международных сношений; ни один из проходов Тарбагатая, несмотря на большие удобства, как, например, Боргоссутай, по которому можно переезжать в колесных экипажах, не пользовался такой известностью, как Хабар. В половине прошлого столетия, когда в Тарбагатае кочевало дурбэтское поколение калмыцкого народа, Хабарасу был уже известен русским под именем Хамартабан; по нему провозились все товары, которыми обменивались древние города китайского Туркестана с Сибирью. Об этих торговых сношениях чрез Хабар в киргизской орде сохранилось предание и до настоящего времени; один из наших спутников, мурун Джетпыс, сообщил нам, что в прежние времена через Хабарасу ходили татары тобулдык-тюмень (вероятно, тобольские и тюменские) на телегах, близ каменной вершины прохода завьючивали товары на верблюдов, а телеги провозили пустыми. По историческим документам последнее известие, однако же, не оправдывается, и Хабар считался всегда непроходимым для телег. В архиве Областного правления сибирских киргизов сохранились любопытные известия об этой торговле; о южной части караванного пути, впрочем, точных известий нет, можно, однако, заключить, по некоторым данным, что дорога, исходя из городов Яркенда и Кашгара, проходила мимо урги джунгарского хана, которая летом находилась на реке Текесе, при северной подошве Хан-Тэнгри; оттуда она шла через Боротала и Шарахулусун на Хамартабан. Северная половина дороги может

быть нанесена с точностью на карту: с Хамартабана караван спустился в равнину озера Зайсан и шел через реки Карабуга, Базар и Чегуляк к камню Калмыктологой, здесь пересекал хребет Калма (по-нынешнему Калба), спускался вниз по течению Царгурбана и выходил на Иртыш против устья р. Убы, здесь переправлялся на правый берег этой реки, половина каравана шла через Касмалу в город Томск, а другая продолжала путь вдоль правого берега Иртыша до Такмыцкой слободы, отсюда по левому берегу до Тобольска, а отсюда на Ирбитскую ярмарку. Нынешний путь по низменности Балхаша в предшествующее столетие избегался до того, что одно калмыцкое поколение, кочевавшее до 1758 года на Таласе и решившееся выйти в Россию, предпочло путь через реки Емиль, Хамартабан и Калмыктологой. Можно догадываться, что Хамартабан не только в прошлом столетии, но и несколько веков ранее служил путем сообщения Центральной Азии с северными и западными странами. В половине XVII столетия караваны из Яркенда уже приходили на озеро Ямыш, и отсюда татарин Ширип Яриов с товарищем в 1652 и 1653 гг. привозили в Томск яркендские товары, именно: зендени (до 400 шт.), азямы зенденные, ремень и овчинные тулупы. Яркендские караваны ходили уже, вероятно, к Ямышеву задолго до прихода русских в Сибирь; летопись сохранила известие о том, как Ермак отправился навстречу бухарскому каравану, который шел с вершин Иртыша; до Петра Великого русские совсем почти не знали южной части этой караванной дороги; им была только известна северная часть пути, по Иртышу, а потому и случилось, что при Петре еще города Яркенд и Кашгар ставили в вершинах р. Иртыш, и Петр Великий сослал полковника Лихарева с флотилией вверх по Иртышу с приказанием достигнуть золотоносной р. Яркендаря. Подобно этому и ранее города Камбалу и Грустинец, из которых выходили караваны на Иртыш, также ставились на вершине к этой реки; под именем Камбалу, оказалось, известен был у монголов Пекин; под Грустинцем следует, кажется, искать Яркенд или Кашгар, а не еуштинских татар, как делают некоторые.

Уклонение караванов от прямого пути, вероятно, было обусловлено обитанием в Арало-Балхашской низменности спокойных орд, занимавшихся грабежом; с усмирением этих орд и с про-

никновением цивилизации в глубь этих степей дороги караванов сокращаются — они начинают безопасно пересекать степи поперек; современный караванный путь из Семиречинского края через Уйгенташ, мимо могилы Кузу-курпеч или на Петропавловск короче пути прошлого столетия на 460 верст, если бы и нынешний путь продолжить до Ирбити.

Самый удлиненный путь с запада в Центральную Азию совершил толмач Салам в 846—847 гг. Он ехал туда через Армению, земли аланов и страну Бесгерт (Башкирию); от последней шли 10 дней по обширной черной стране, по которой расстилался пар с таким отвратительным запахом, что путешественники должны были постоянно употреблять благовония. Это может быть болотистая Ишимско-Барабинская степь с сероводородными миазмами. Потом, после месячного путешествия по пустыням Салам, достиг государства Адкаш, лежавшего у подошвы хребта Кокайя, который Риттер принимает за Тянь-Шань.

Караваны приходили на Иртыш осенью, в августе, сентябре, а иногда и в начале декабря. Путь от ханской урги при р.Текес они совершали в 60 дней; от урги нойона Саинбелека, который кочевал в окрестностях нынешнего города Копала, — в 40 дней и от урги Даваци на р. Имели — в 16 дней. По выходе на Иртыш караван иногда делился на две части: одна шла вниз по Иртышу в Тобольск и Ирбит, другая — в Томск. Эта бифуркация каравана происходила или по выходе на Иртыш, при устье Убы, или не доходя до Иртыша, с р. Колгуты (?). Караваны приходили в Россию от имени какого-нибудь влиятельного лица, или от самого хана, или от Калбутана-ламы, а также от найонов. Торговлю производили преимущественно жители Восточного Туркестана, бухарцы, из которых многие поселились в сибирских городах: Тобольске, Тюмени, Таре и Томске и образовали в них бухарские фактории. Они назывались в прошлом столетии тобольскими и пр. юртовскими бухаретинами. Потомки этих выходцев составляют бухарскую волость в Томске, в которой теперь считается 307 детей обоего пола.

В некоторой степени в караванной торговле принимали участие и русские купцы. В половине прошлого столетия, по сказке вышедшего из Джунгарии в 1746 году купца Алексея Верхотурова, в Джунгарии проживал для сбора долгов русских купцов 21 человек,

да, кроме того, в подданство Галдан-церепа вступили 23 мужчины и 2 женщины, которые в разных городах — Урге, Еркенде, Кушкаре, в деревне аксуского акимбека Гульбаки и других местах. По разным известиям, собранным тогдашним пограничным начальством, в Джунгарии жили: из города Устюга Иван Шубин с племянником и Терентий Судаков, из города Гороховца дворовый человек и приказчик Ширяева Иван Михайлов, из города Симбирска Илья Твердышев, Воложенин, приказчик купца Шапкина Иван Мильников, из Екатеринбурга Нефед Бурин, тобольские Федор Плотников, Иван Евсеев, Иван Серебряков, Федор Сыхторов и Иван Васильев, тарские Иван Панов, Яков Лоскутов, Кузьма Сумин, Герасим и Федор Кузнецовы и работник умершего купца Бабушкина Григорий Жулистов; томские Михайло Треченин и татарин Трапан Пьянков, из Малышевой слободы с Оби Федор Малышев и из Иркутска Иван Литвинцев. Кроме того, из Джунгарии вышли в 1745 году тарский разночинец Иван Ушаков и тарский казак Семен Ушаков, разночинец Пономарев, устюжский купец Лука Журавин и приказчик томского купца Мельникова Иван Брюхов да в 1746 году купец Алексей Верхотуров. Русские купцы жили в Джунгарии по 6, 7 и 8 лет; они разъезжали по Джунгарии от урги на Текесе до Яркенда и продолжали торговлю; такое продолжительное пребывание в Джунгарии отчасти происходило от тогдашней вялости ведения торговых дел; товары, завезенные в страну, могли быть проданы только в продолжительный срок; бухарские товары были завезены в Сибирь в последний раз в 1752 году и еще в 1760 году, т. е. через 8 лет вывозились из Тобольска в киргизскую степь. Также, вероятно, и привлекательная жизнь на теплом юге долго удерживала русских людей от выезда в Россию. На требования русского пограничного начальства не задерживать русских купцов калмыки отвечали: "Находящим там (в Джунгарии) российским купецким людям имеется свобода, и кто похочет обратно ехать, тем задержания не чинится, а есть из тех русских и такие, что товары свои пропили и проиграли и пьянствуют там и другие непотребные дела чинят, и затем иные ехать оттоль обратно вскоре сами не желают, а другим без товаров всяких, яко не с чем и ехать стыдно".

Эти торговые сношения встречали тогда большие препятствия; в степи караваны должны были избегать встречи с киргизами, ко-

торые были так смелы в своих набегах, что нападали на бухарские караваны даже тогда, когда они скрывались в надолбы русских редутов; так, например, в октябре 1752 года киргизы преследовали бухарский караван до Пресного редута, а в феврале киргизы напали на тот же караван при крепости Становой и отбили 15 верблюдов, 42 лошади и взяли в плен 7 бухарцев. Караван этот шел, кажется, прямо степью в Троицк; этот путь в то время был рискованный, и едва ли много караванов решались избирать его. Кроме этих путевых неприятностей караванная торговля была стеснена таможенными заставами и монополией; торговля ревенем была государственной монополией как в России, так и в Джунгарии; в России и Сибири частная торговля этим растением была запрещена под страхом смертной казни. Караван, шедший в Томск, при переправе при устье Убы подвергался осмотру таможенной заставы, а в деревне Касмале его осматривал дворянин, высланный из Кузнецка. Некоторые товары были запрещены к вывозу по неуместному страху; так, например, по распоряжению генерала Киндермана была запрещена продажа киргизам всяких железных вещей, кроме чугунных котлов, из опасения, чтобы обитатели степей не перековали их на оружие. О готовом оружии нечего и говорить, что оно было также запрещено, между тем беды от этого нечего было ожидать, потому что киргизы по своей бедности много оружия купить и теперь не в состоянии. Меры предосторожности военного начальства простирались до того, что бухарских купцов зимой не впускали в крепости в избы обогреться. Бухарцам не позволяли отлучаться от крепостей в киргизские улусы для покупки на пищу баранов, почему они принуждены были покупать баранов у киргизов тайно. Коменданты крепостей старались монополизировать торговлю за собой; директор Ямышевской таможни Бушуев жаловался в 1700 году, что комендант крепости св. Петра Лесток стесняет свободу торговли в пользу своих дворовых людей.

В 1745 году бухарским купцам был запрещен проезд внутрь Сибири в города и слободы; торговля с бухарцами была ограничена двумя таможенными — Семипалатинской и Ямышевской. Сначала правительство предложило такую меру, удовлетворяя желание Галдан-церена: с русских купцов в Джунгарии не брать пошлин, а равно и с бухарских не брать в Сибири, но русский посланник

Угрюмов, бывший в Урге в 1733 году, предлагая этот договор, требовал, чтобы бухарские купцы все-таки объявляли и давали осматривать свои товары; это нужно было потому, что русское правительство, избавляя бухарских купцов от пошлины, хотело в соответствующем размере наложить их на русских купцов при покупке бухарских товаров и продаже русских. Но первый же пришедший после этого договора бухарский караван воспротивился осмотру и только в Тобольске после долгих усилий допустил осмотр. Поэтому Сибирская губернская канцелярия придумала ограничить торговлю с бухарцами крепостями Семипалатинской и Ямышевской, и здесь ни пошлин не брать, ни товаров не осматривать, а в Тобольск и другие города караванов не пропускать. Только для собственных товаров джунгарского хана сделано было исключение, и было дозволено пропускать их в Тобольск. Этим начальство думало положить конец обширной контрабанде, а также избавиться от частых посещений бухарских купцов, которые разъезжали по всей Сибири, даже до Иркутска, жили по 8 и более лет в сибирских городах и деревнях, составляли при них многолюдные фактории, и, по признанию самого сибирского начальства, отлично знали состояние Сибири; Галдан-церен умел ими пользоваться, употреблял их для посольства и, без сомнения, знал Сибирь лучше, чем пограничный генерал Киндерман, его современник, знал о состоянии Джунгарии. Редко выезжавшие русские купцы подавали сказки, так мало знакомившие с тогдашним состоянием Джунгарии, что восстание Давацы и Амурсаны и все другие события в Джунгарии были неожиданностью для сибирского начальства. Контрабанда, т. е. продажа беспошлинно недозволенных товаров и тайный ввоз и вывоз запрещенных товаров, достигла в Сибири значительных размеров; бухарцы сами разъезжались по сибирским деревням и вели розничную торговлю; усмотреть за ними не было никакой возможности, поэтому они всегда вывозили из Сибири на гораздо большую сумму, чем ввозили. Они не только господствовали в торговле бухарскими товарами, но даже наряду с русскими купцами были посредниками в торговле русскими товарами между сибирскими городами. В XVII столетии в их руках была даже вся внутренняя торговля Сибири, как это было, вероятно, до прихода русских в Сибирь; было нужно целое столетие, чтобы русские куп-

цы отняли от них эту монополию. Сибирское губернское начальство, сознавая необходимость ввести новое положение торговли в Сибири, думало достигнуть этого посредством учреждения Семипалатинской и Ямышевской таможен; в своем проекте об этой мере оно высказывало, что от того русским купцам не только не будет убытка, потому что русские купцы в Джунгарию сами ездят мало, но даже будет выгодно, потому что при централизации всего торга в двух только местах русские купцы будут здесь ровнее приобретать бухарские товары.

Вместе с запрещением въезда бухарским купцам в Сибирь был запрещен и русским купцам въезд в Джунгарию, и тем был положен конец их смелым попыткам соперничать с бухарцами в сердце Средней Азии. Правда, тогда русские купцы далеко уступали своим соперникам и в искусстве, и в энергии, большею частью отправляли в Джунгарию свои товары с приказчиками из бухарцев и без приказчиков-бухарцев не смели ехать в Джунгарию и в Джунгарии не умели себя вести, впадали в южные пороки в проматывали свое богатство; тем не менее нельзя не пожалеть, что тогдашнее начальство Сибири уничтожило эти зачатки русских факторий в Средней Азии, вместо того чтобы поощрить эти дальние странствия, которые были плодотворны во многих отношениях; они распространяли в народе географические сведения и воспитывали торговое сословие в смелости и предприимчивости; все это было убито учреждением Семипалатинской и Ямышевской таможен.

Бухарские караваны привозили из Джунгарии бумажные ткани, известные тогда в Сибири под общим названием иркетчины, как-то: хамы, выбойки, зендени, чалдары и бязи.

В Семипалатинск и Ямышев было привезено иркецкого товару:

в 1747 г.	749	тюков, в которых	79700	голов	
-///- 1748 г.	1736	-///-	• ///-	113500	-///-
-///- 1749 г.		-///-	-///-	19200	-///-
-///- 1750 г.		-///-	-///-	16900	-///-
-///- 1752 г.		-///-	-///-	15000	-///-

Из мягкой рухляди из Джунгарии привозили волков, лисиц и корсаков, а также овчины и тулупы. Было привезено в Ямышев и Семипалатинск:

	1748 г.	1749 г.	1750 г.	1752 г.
Волков	—	300	300	269
Лисиц	251	300	200	300
Овчин	на 7 лошадях	—	—	—
Мерлушек	—	—	400	105
Тулупов	—	200	—	254
Рысей	—	—	—	4

Иногда караваны привозили корень ревеня. В 1744 году было привезено послом Ламой-Дашей 300 пудов, в 1747 году Юсуп-ходжа привез 286 пудов 17 фунтов. Ревень составлял предмет монополии как русского, так и джунгарского правительства; ремень, привезенный Юсуп-ходжой, принадлежал самому джунгарскому хану и был прислан на собственных ханских 300 верблюдах; в России частная торговля ременом была запрещена под страхом смертной казни, и ремень назывался "секретным товаром, корнем-ременом".

Нашатыря, который был известен в Сибири под названием бухарского и, вероятно, добывался из многочисленных сольфатар Джунгарии, было привезено в 1747 году 10 фунтов и в 1752 году — 15 гинов.

Серебра было выменено в казну в 1750 году 9 пудов 8 золотников и в 1752 году — 150 — рупей. Золота в 1750 году — 13 золотников.

Однажды была привезена хлопчатая бумага. В 1752 году в Семипалатинск привезено 20 бикчей китайского табака.

О продаже рабов сведений за 1745—1752 годы нет. Но, вероятно, торговля рабами существовала, только при приходе каравана на Иртыш у бухарцев не было обыкновения объявлять о рабах, приведенных на продажу. С одной стороны, о торговле ясырями, или рабами, у Ямыш-озера упоминается уже в начале XVII столетия; с другой стороны, рабы поставлены в 1794 году в списке среднеазиатских товаров, составленном для описания Колыван-

ского наместничества, который мы печатаем в приложении. У нас, впрочем, есть сведения о ценах на людей в 1757 году. Именно тарский юртовский татарин Мирзали Шихов купил у вышедших из Джунгарии в Сибирь калмыков 20 человек холопов; цены, данные им, были следующие: баба 40 лет — 12 руб., бурутка 7 лет — 6 руб., киргизка 40 лет — 1 мерин и две желтые зендени; бухарец 15 лет — 12 руб., дивна 25 лет — серый сермяжный зипун. Коменданты крепостей очень хлопотали о приобретении пленных; рвение их в этом простиралось до того, что они смотрели благосклонно на набеги казаков на киргизов, которые приводили пленных из степи; коменданты, офицеры и чиновники разбирали их в услужение и тотчас крестили, чтоб они не могли быть возвращены в степь. Иногда соседние инородцы продавали сирот и детей во время голода; так много холопов и холопок было продано алтайскими теленгитами русским чиновникам после разорения Джунгарии китайцами.

О вывозе из Сибири сохранились известия за 1750 и 1752 годы. В эти два года были вывезены следующие товары:

	1750 г.	1752 г.
Юфтей	1009 штук	28072 штук
Сукна василькового, кармазинного, голландского, коркового	209 аршин	572 аршина
Епанчей и кафтанов васильковых	—	24 штуки
Сахара	19 пудов 10 фунтов	60 голов
Чая кирпичного ²³	93 кирпича	11326 кирпичей
Выдр	55 штук	837 штук
Бобров немецких		700 штук
русских	205 штук	

²³ В последние годы управления Галдан-Церена отношения Джунгарии к Китаю сделались дурны, и китайцы запретили торговлю с Джунгарией. Вследствие этого китайские товары, преимущественно чай, в Джунгарию привозились в течение некоторого времени из Сибири чрез Кяхту, Томск и Ямышев.

Краски кубовой	4 пуда	—
Киновари	20 фунтов	—
Перца	3 пуда 20 фунтов	—
Мишуры	400 пезок	14300 пезок
Румян	20 листов	3300 листов
Зеркал	187 штук	4200 штук
Олова в торелях	10 фунтов	—
Ящиков	—	13 штук
Котлов медных	—	9 штук
Игол	—	7000 штук

Вот сведения о числе людей и вьючных животных, которые были заняты этой торговлей.

Пришло в Ямышев и Семипалатинск:

	1747 г.	1748 г.	1749 г.	1750 г.	1751 г.
Бухарцев	350	348	118	261	599
Калмыков	34	—	—	54	30
Киргизов (в Кашеварах)	—	2	—	—	—
Зверей (т. е. верблюдов)	552	760	97	155	629
Лошадей	494	537	152	744	764

Рогатый скот пригоняли в Семипалатинск и в особенности в Усть-Каменогорск из ближайших калмыцких улусов.

Коров и быков было пригнано в Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую и Бикатунскую крепости и Чақырский рудник:

в 1747 г.	31 голова
-//- 1748 г.	114 -//-
-//- 1750 г.	376 -//-
-//- 1752 г.	5690 -//-

Овец в те же места:

в 1747 г.	10 голов
-//- 1750 г.	327 -//-
-//- 1752 г.	960 -//-

В 1752 году начались смуты в Джунгарии, и караванное движение прекратилось; когда же оно возобновилось, нам неизвестно. В июне 1760 года в первый раз приехали 4 кашгарца в крепость св. Петра на Ишиме, которые променяли до 30 лошадей, до 75 лисиц, корсаков и волков и 20 золотников серебра, но не нашли нужных для них товаров: кармазинного сукна, бархата, немецких бобров, черных лисиц, выдр, кубовой краски, канцелярского семени и проч. От Ямышевской таможни сделана публикация по сибирским городам ехать в крепость св. Петра с товарами на бухарскую руку, но повторили ли бухарцы попытку основать торговлю в крепости св. Петра, мы не знаем. В Ямышеве же и Семипалатинске до 1760 года и, может быть, гораздо позднее не являлось бухарских купцов и в таком незначительном числе.

Темная ночь застала нас на Хабаре, прежде чем мы достигли места, на котором должны были ночевать. В то же время мы поднялись на ту высоту, на которой летуют киргизы обеих равнин, — Зайсанской и Алакульской; 6 дней мы прошли, не видя киргизских аулов, за исключением одного, гнездившегося в одной из лощин Бакты; после молчаливой равнины мы были обрадованы необыкновенною оживленностью этих высот; во всех сторонах вблизи и вдали замелькали огни, то ясные, если были разложены на открытом воздухе, то матовые, если это был свет, выходящий чрез верхнее отверстие юрты (тюндюк); ночь была так темна, что более ничего не было видно, и только разнообразные звуки свидетельствовали о разнообразии и многочисленности обитавшего здесь животного мира: лай собак, ржание лошадей, бляение овец, гайкание пастухов, песни девиц, перекрикивания людей с одного бока долины на другой.

Мы ночевали в зоне \Ло1а аһаіса; утром пал иней и особенно долго держался на листьях Aicheti 1a yu1Şarız.

21 июня мы поднялись на сопку Сарычеку, одну из значительнейших высот Восточного Тарбагатая (эту высоту не следует смешивать с другой Сарычеку, которая находится у горного прохода Алет и упоминается Шренком). Сарычеку очень плоска и некамениста; на вершине ее только небольшое пространство было занято обнажениями глинистого сланца, на которых произрастали Zieiiaria reigaea, Ocioniarrhena oBoyaIa, Oxyiropiz arŞen1a1a, Poieniіііа

ораса, ОгаБа ипсапа и Огасосерһаит зятіпеит; вокруг же обнажений, на почве более или менее рыхлой, состоящей из смеси выветрившейся породы с перегноем, цвели Роіеніііа ораса, Роіеніііа сіпегеа, итЪШсиз ріагуһуііиз, Біоусіа зегііпа, Таһісігіт айріпіт, Беопіорооіит айріпіт, Спарһаіит ІиІеоаІбит, Муозоііз зуіуаіса, Апсігозасе Сһатае^азте, Апсігозасе зеріенігіонаііз, Егісісіһіт уіііозит, а в углублениях на той же почве, где она посырее, — \JoІа аһаіса и Рагауег айріпіт.

Пробыв несколько часов на Сарычеку, мы спустились с нее на запад, в аул богатого сарта Биджи, в 10 верстах от Сарычеку, в урочище Акджал. Биджи — самый богатейший сарт, кочующий в Тарбагатае, князь здешней торговли. Он торгует с Чугучаком и Семипалатинском, все сарты и чоло-казаки, живущие в Тарбагатае, находятся в большей или меньшей зависимости от Биджи. Влияние Биджи в орде равняется влиянию киргизских родоначальников. Чтобы усилить свое значение, Биджи старается вступить с родоначальниками в родство. Впрочем, он имеет сильного врага в лице одного богатого скотом и смелого киргиза Тюлюгуна, который кочует не далее 20 верст от Акджала, в глубокой лощине Ойджайляу. Биджи находится в очень тесных отношениях с поколением тогас, которое дает ему на своих землях место и для летовок, и для зимовок, а также уступает и участок хлебопахотной земли; за это Биджи обязан нести один за всех тогасов квартирную повинность, т. е. принимать в своей юрте и кормить сергиопольского заседателя с его конвоем, когда он приезжает к тогасам за ясаком. Нам говорили, что и на Сауры, в каракиреях, живет подобный сарт-купец. Таким образом, киргизские роды и хребты разделены на участки монополистов-сартов. Вести соперничество с ними русским почти невозможно, потому что для этого русским недостает единства религии с киргизами и возможности вступать с ними в родство; последнее обстоятельство весьма важно для торгового влияния и кредита в степи, поэтому не только Биджи, но и его приказчики, как например, Момын, постарались составить себе приличную партию с туземками.

Из аула Биджи мы спустились северной долиной р. Кайчи (ножницы) в равнину Зайсана; ночлег наш находился при самом выходе из ущелья Кайчи на равнину, при подошве горы Сарто-

логой, у небольшой возвышенности Кайчитюбэ, на которой была сложена оба (древняя могила, состоящая из насыпи камней). Речка Кайчи течет перерывами; сначала, когда мы спустились в ее долину с Акджала, в ней не было совсем воды, потом появилась вода; дно долины образует небольшой, но роскошный луг, а берега самой речки красиво окаймлены зубчатой листвой *Sanxiogba airpa*²⁴, вверх по долине это растение достигает нижней линии *Parauet airpshp*, *Aichetitia uidaqiz* и *Zieiiaria siichoioa*, вниз по долине оно простирается до самого выхода на равнину.

Северный склон Тарбагатая можно разделить на две зоны — верхнюю, или альпийскую, и нижнюю; за нижний предел первой зоны можно принять нижнюю предельную линию *Aichetitia uidaqiz*, которой почти соответствует верхняя линия *Sanxiogba airpa*; судя по пометке под этим последним растением во Нога Коззиса Ледебура, оно характеризует нижнюю зону и в других северных долинах, как, например, в горном проходе Сайасу²⁵; к флоре этой нижней зоны принадлежат кроме *Sanxiogba airpa* следующие растения: *Polyshpshp zooshogicst*, *Zicieiiz toniana*, *Leoniqaz Iaiaqicst*, *Cietaqiz zooshogica*, *Kheit Kharopshp*, *iriz Siicicziaciiana*, *Iriica sapnana*, *Nogciest graenze*, *Triicshp stziaiit*, *Roieniia renzuiana*, *Roieniia Biisha*, *Roieni: cleaBa* и *P. apzeqia*. На возвышенных местах и крутых скатах Сартологоя растет *Sagaqana Ithiessepz*, а на вершине этой горы — *Painia inepheoia*, *Neouzagit zsoraqit*, *Thezint Iondiiit* и *Veberiz zibigica*. Кустарной растительности, подобной той, какую мы видели в долине Казыкты, ни на Кайчи, ни на Тамырсыке (другой посещенной нами северной долине Тарбагатая) нет.

Сартологоя образует заметную высоту на северной окраине Тарбагатая, между долинами рек Кайчи и Дебискэ. Рядом с ним, на западе, находятся горы Ргайлы (ргаевые, ргай — *Coiopezier*), а на востоке — две горы: Джаксы и Джаманарганаты (*Ag\$aiin\$ioi* на карте Клапрота); Сартологоя имеет вид сухой обнаженной горной

²⁴ У подошвы Сарычеку при нашей стоянке 1 июля *3.airpa* встречается с одной только листвой, без цветков.

²⁵ Fl. Козз. Т. II. С. 28; in шрезIriбив зинаирipiz т.ТагБа^aIai aci таг^inez гиуйогит Юсо "Заia-Лззи" siicio.

массы; скаты его бедно покрыты растительностью, ущелья безводны и дики; в этих пустынных ущельях водятся архары (OUI3 Ag\$ai) и рябчики киклик.

25 июня мы спустились еще ниже в равнину Зайсана, до урочища Ойчилик (низкий чилик). Степь между Сартологом и Ойчиликом совершенно ровная и сильно понижается в северу; растительность уже выгорела от жары; только мелкая щетка с отсохшими верхушками стеблей покрывала степь, не образуя сплошного дерна; поперек степи от долины Кайчи тянется сухая рытвина, потому что р. Кайчи у самого выхода из долины почти мгновенно иссякает.

Под названием Ойчилик известны солонцы, прилегающие с востока к р. Дебискэ или Тебискэ. Здесь находятся пашни киргизского поколения Тогас; на Ойчилике мы нашли аул из юрт, принадлежащих чоло-казакам и бедным киргизам, которые по имению скота не могут подняться с юртами на горы. В числе чоло-казаков, проводящих здесь лето, находился и наш старый знакомый Момын, который уже сопутствовал нам в прошлое лето во время поездки в Южный Алтай.

Ойчилик поражает своей аналогией с Майчиликом, находящимся к северу от Зайсана при подошве Буконбая.

На соленой грязи около ключа Карабулак, который здесь выступает из почвы, растут, как и на Майчилике, Tri\$Iochn tagiiitit, Tg. paizige, Каписииз папапз, Капис. гасісапз, Сіаих тагігіта и P1aп1a\$o тіпіта. На сухой окрестности около ключа и вообще на местности, находящейся под ближайшим влиянием испарений этого небольшого источника воды, — Poienгiiа апзегіпа, Poienі. oleaBaIa, Берісіит сгаззіBіит, Ногоіеит праіепзе, }гіз Сіоіепзіаскіапа, Airіріех Іасіпаіа, Airіріех сгаззігоііа и Зелесіо зіВігісіз. На голой степи с солено-глинистой почвой, прикрытой слоем щебня и составляющей отдаленную окрестность ключа Карабулак, растут АпаЪазіз arhyiia и Oociarіia ogіenaiіз. На той же степи, обращенной под пашни, в виде сорных трав — Зіра саріііаіа, Егетозіасхуз рhіотоіоіез, ОгоЪапче сегпіа, Oопзіозіетоп сіеніашз и другие крестоцветные.

Наконец на сухих и рыхлых солончаковых пятнах, рассеянных посреди этой глинистой степи, — Bliirarіа ZchoBerі и Haiгооіе^гоп ar\$enLeит, оба изредка; кроме того, Заізоіа Bгachіаіа, Aeигориз Iiiogaiіз и Eiyтиз Iapi\$інозиз.

С Ойчилика непосредственно, без всяких переходов, начиналась область призайсанской флоры, подобно тому, как на юге же Тарбагатая, уединенные Джайтюбэ находятся на границе приалакульской растительной области; к сожалению, в настоящее время у нас нет под рукой данных о различии в абсолютной высоте Джайтюбэ и Ойчилика; но так как известно, что равнина Зайсана значительно выше равнины Алакуля, что заметно и для глаз, если смотреть, например, с Сарычеку, то северная подошва Тарбагатая должна находиться на большей абсолютной высоте, чем южная; между тем уже при подошве Сартологая, несмотря на значительную высоту этой местности, нас удивила высокая температура воздуха; на Ойчилике было так же жарко, как у Джайтюбэ, вообще сухость и температура воздуха, как кажется, неодинаково распределены на склонах Тарбагатая; северные долины страдают большею сухостью воздуха, чем южные, что, вероятно, происходит оттого, что с северной стороны к Тарбагатаю прилегает плоскогорье, а с южной — низменность. Это обстоятельство влечет за собой следующую разницу в формах северных и южных долин: в северных долинах дно ближе к их верхним окраинам, кроме того, длина этих долин меньше; поперечный разрез северных долин образует более тупой угол, чем у южных. Отсюда, вероятно, происходит недостаток влажности в северных долинах, отчего тем из них, которые принадлежат к чисто поперечным, вовсе недостает той кустарной растительности, какую отделены берега речек южных долин, именно — ив, тополей, Веґґегіз, Соіопезіег, СгаІаеґиз, наконец, Рушз. Оттого же равнинные растения на северной стороне поднимаются выше, а также здесь выше и нижняя предельная линия Аісешііа уіідагіз. Для сравнения количества вод, орошающих Тарбагатай, мы не имеем достаточных данных; можем только заметить, что на северной стороне Тарбагатая потоки берут начало выше, чем на южной, и вообще, кажется, на южной стороне верхняя зона бедна водой, а нижняя богата, на северной же наоборот. В этом мы убедились, посетив истоки рек Базара, Нарына (текущего с северной покатоности Тастау) и Терсайрыка; пятна вечного снега лежат только на северной стороне тарбагатайских альп, что и обогащает водой на северной стороне альпийскую зону.

Ключ Карабулак находится только в 3 верстах от р. Дебискэ. Почти все это пространство занято пашнями поколения тогас.

Воды в речке Дебискэ в это время не было; она была выше отведена на пашню; русло реки было покрыто только листьями Ыгиса саппаЫпа, да боковые скаты ложбины, в которой лежало русло, поросли Сагадапа їгїезепз; эти два растения отличали флору русла от флоры окружающей степи. Другую бы картину представляла река, если бы человек не отнял у нее влагу; на всем пространстве, на котором тянутся пашни, Дебискэ безводна, и только ниже пашен, подобно тому, как у Катынсу на Муканчах образуется саз — болото, которое вновь собирает рассеянную в почве пашен влагу и вводит в естественное русло, здесь только растительность и развивается. Подобные сазы образуются в определенных местах, т. е. ниже пашен, и на других речках, текущих с северной покатости Тарбагатая, от Дебискэ на запад следуют один за другим сазы Кумгуль, Кызылкаин, Карабуга, Аксуат. На востоке, на р. Чорга, можно догадываться, под именем урочища Джитыузун следует заметить подобное же явление. Мы уже, кажется, раз проводили параллель между этими сазами при северной подошве Тарбагатая с подобными же сазами при северной подошве Заилийского Алатау, что, по нашему мнению, наводит на мысль о происхождении этих сазов от местных обыкновений культуры почвы.

На Ойчилеке много кочует киргизов осенью; потому-то, может быть, здесь много могил. В особенности их много сгруппировано на одном месте на западном берегу р. Дебискэ, отчего и место это получило название Кобмола (множество могил). Вблизи же ключа Карабулак, в том месте, где стоял аул бедных киргизов, было довольно оба, т. е. старинных могил, из которых киргизы вырывают золотые вещи.

28 июня мы поднялись снова на Сарычеку по долине р. Тамырсык (китайский караул Огітегхек на карте Клапрота; ныне здесь нет караула, и вообще не существует всей той пикетной линии, которая нанесена у Клапрота на карту, от Чугучака, до устья Черги). Долина эта совершенно похожа на долину Кайчи; то же отсутствие прибрежных кустарников; также и здесь 8ап§їізоґБа айріпа, 8ап§. оїгїсіпаїіз и РоІу§опит зоодогїсит украшают берега Тамырсыка, а из кустарников только Сагадапа їгїезепз еї рудтаеа, ВеҒегїз зіҒїгїса и 8рїгаеа попадают на скатах в малом количестве.

2 июля мы отправились от Сарычеку на восток по гребню хребта Тарбагатай и достигли в этот день гранитных гор Коджур.

Невдалеке от Сарычеку мы миновали вершины южной долины р. Казыкты, которая казалось безводною, затем группу 5 небольших озер, на которых стояли в это время 15 аулов джумуков, возвращавшихся из бегства к своим соплеменникам, с которыми они поссорились из-за решения какого-то уголовного дела. Еще восточнее миновали вершины Караунгура, принадлежащего системе Емиля, и Ласты, принадлежащей системе Зайсана; в правой стороне осталась от нас глубокая котловина Ойджайляу (низкая летовка), ограниченная с юга горами Ашудас, а с севера — центральной цепью Тарбагатая.

Как дно этой долины ни было низко, на ней было видно сверху большое число юрт, среди которых можно было отличить белую и большую юрту Тюлюгуна. Это, кажется, одна из самых низких летовок внутри Тарбагатая; все аулы стояли в это время года не ниже 5000 футов над уровнем океана, и только на Ойджайляу и в долине Терсайрыка мы видели аулы, стоявшие ниже нижней линии Aichetiia уидагиз. Мы узнали, что Тюлюгун, принимая нас за друга своего соперника Биджи, собрал около себя до 300 своих единомышленников, опасаясь нашего вмешательства в его распрю с Биджи. Он даже подослал к нам человека, на которого мы обратили внимание не раньше, как проехав половину перехода. Господин этот был одет франтом; вообще соумышленники Тюлюгуна одеваются богато и имеют хороших лошадей и богатый седельный убор. Это отличие, кажется, и выдало нам его лазутчика. Но так как мы спокойно прошли по гребню гор мимо аула Тюлюгуна, то и он счел за лучшее не трогать нас, а придумал собранное войско употребить против самого Биджи.

Дорога от Сарычеку до Коджура была гладкая и даже удобная для проезда экипажей и только в горах Коджур затрудняется громадными обломками гранита; во время пути нам постоянно был открыт вид или на южную, или на северную равнину, а иногда и на обе разом; налево были видны горы Джеман и Джаксы — Арганаты и Манрак, а за ними на равнине зеленая площадь пашен на р. Черге; направо — Ашудас и на горизонте колоссальный, но, впрочем, не достигавший снежной линии Барлы. Наш аул расположился на Коджуре возле каменного столба Сынтас. Столб этот, по-видимому, вытесан из местного гранита и имеет вид че-

тырехгранной призмы до 8 футов высоты, вертикально врытой в землю; на одной стороне, кажется, были письменные знаки, но они совершенно стерлись; западнее этого столба, в нескольких верстах, близ западной границы площади гранитных обнажений находится другой подобный столб меньшей величины. Сынтас поставлен в таком месте Коджура, с которого открывается на восток вид на болотистую седловину, отделяющую Коджур от зубчатой цепи гор Итыкчи (сапожник).

Горы Коджур состоят из гранитных выступов, кажется, единственных, которые лежат на оси Тарбагатая. Коджур по-киргизски значит шероховатый, и это название прилично для них, потому что скаты и седловины были усеяны гранитными обломками. На поверхности гранита здесь так же, как и на Койтасе, в вершинах Базара встречаются часто чашеобразные углубления, в которых скопляется дождевая вода; в $1/2$ версты от Сынтаса к западу нам показали в гранитной плите, близ дороги, подобное углубление, принявшее кувшинообразную форму известных исполиновых горшков (Кіезепіорі-е), оно было наполнено грязной водой и прикрыто камнем; киргизы называют его Аумесу и бросают в него овечий сыр в виде жертвоприношений.

На гранитных скалах Коджура цвели в пазах между гранитными обломками *ZieΠαγία регаеа*, *Ραραуег айріпит*, *Огасосерһаит айіаіепзе*, *Огасосерһит ітБегБе*, *Зііепе сіегтеzza*, *ВегБегіз зіВігіса*, *Зесіит ^аагі^ісіит*, *Зеаіит деііаіит*, а в темных нишах под гранитными обломками — *Соғшза Маііһіоіі*, *А^ііле§іа діапсііоза*, *Сутпапоіга Раііазіі*, *Оеірһіпіит ІахіЯогит*, *Охугіа геһіҒогтіз*, *Китех асеіоза*, *Китех стізріз* и *ЗахіҒгада зіВігіса*. Кроме того, скалы сильно поросли можжевельником; по свидетельству киргизов, это драгоценное дерево растет здесь только в южных ущельях; в северных его вовсе нет, и киргизы, кочующие летом по вершинам Тарбагатая, по преимуществу по вершинам речек, текущих на севере, ездят за можжевельными дровами в южные ущелья. Только по Коджуру это дерево распространяется и в немногие северные ущелья. Благонная и красивая древесина этого дерева служит единственным топливом в безлесных высотах Тарбагатая; киргизы с трудом достают это дерево из ущелий, возят в аулы на верблюдах и потому истребляют его экономно. Когда мы были в гостях у одного кир-

гиза на Сарычеку, то заметили, как хозяйка берегла свои можжевеловые дрова; она хотела угостить нас чаем и развела огонь под чайником, но как только вода в нем вскипела, она тотчас же потушила огонь, обколотила головни и спрятала их в маленькую можжевеловую поленницу, помещавшуюся внутри юрты, несмотря на ее громоздкость (дерево необыкновенно кривое, потому что ствол его стелется и принимает изгибы каменных скал).

На Коджуре мимо нас снова прошли те 15 аулов джумуков, которых мы видели расположившимися на 5 озерах близ Сарычеку. Женщины вели завьюченных верблюдов, другие на передней луке везли люльки с детьми; маленькие дети ехали верхом, привязанные к седлам; девицы и молодые жены были разряжены в красные халаты и шаровары; мужчины были различно вооружены; один витязь вздел серп на трость и вооружился этим атрибутом земледельческой культуры за неимением, вероятно, более воинственного оружия. Некоторые везли на руке орлов. Рядом гнали табуны лошадей и овец; быки были так же завьючены, как и верблюды, но шли не связанные, а только при погонщике; дети гнали овец и козлов. Медленное движение этой толпы давало нам случай долго любоваться на эту картину.

Седловина между Коджуром и Итыкчи покрыта болотом, покрывающим гранитную почву; болото это дает начало р. Терсайрык; 3 июля вечером мы перешли на вершины этой речки. Коджур в это время был густо населен аулами, и оба ночлега наши в этих горах были окружены множеством аулов. В вершинах Терсайрыка мы застали двух дюнганей, китайских мусульман, везших на быке пшеницу своим товарищам-золотопромышленникам, работавшим на Терсайрыке; один из них сидел верхом, другой шел пешком и нес пику. Момун, наш спутник, с трудом уговорил пехотинца зайти в наш караван; несмело, но не из страха перед русским оружием, а из страха перед приличиями он приблизился к нам, за десять шагов бросил свою пику на землю; Момун руководил им в отдавании приветствий по русскому обычаю. Дюнгань должен был сначала подать руку начальнику экспедиции, а потом и другим членам ее. Под конец китаец сделался более развязным и признался, что хотел быстро удалиться из аула потому только, что боялся встретиться с большим чиновником, который всегда бывает капризен

и взыскателен в приличиях, и что в Китае генералы не пускают к себе так близко простых людей.

От выступа гранита на Коджуре Тарбагатай разделяется на две ветви — южную центральную и северную побочную, которая в разных местах носит следующие названия, начиная с запада: Кызылчоку, Карачоку и Киттынгара; эти ветви образуют продольную долину, в которой течет р. Терсайрык. Выступ гранитов находится также и в вершинах р. Базсуг, где центральная цепь Тарбагатай и побочная Обкеты также образуют продольную долину.

Терсайрык, получив начало в общей гранитной колыбели с р. Ласты²⁶, в болотах Коджура, течет сначала в продольной долине на восток; потом у Киттынгара выходит в обширную котловину Кызылчилик, в которую с востока стекают воды снежного хребта Сауры и образуют р. Кандысу; от Киттынгара Терсайрык течет на север, сливается с Кандысу в северо-западном углу Кызылчилика и под именем Черги изливается чрез узкое дефиле между Карачоку и Манраком в равнину Зайсана.

Продольная долина Терсайрыка по характеру своему может быть разделена на три части: верхнюю широкую часть, среднюю тесную, в которой находятся китайские золотые промыслы, и, наконец, нижнюю, снова расширяющуюся, хотя и незначительно. Верхняя часть долины носит название Хотонаши; значение слова "хотон" нам неизвестно, аши по-киргизски значит горький или соленый; оно в названиях урочищ заменяет калмыцкое гуджир и придается часто таким из них, почва которых содержит натриевую соль; Хотонаши, несмотря на свою абсолютную высоту, только в верхней половине покрыта *Aichetia uidaigis*, а с половины начинается другая флора, почва пропитана солью, которая часто выступает в виде накипи на почве и образует солончаковую грязь или болото; на сухих местах встречаются растения, которые растут только на равнине Зайсана, на Ойчиликке, как, например, *Eigonia segaioi*^ез. Кустарников здесь нет. Долина Хотонаши очень просторна; дно ее ровно, поэтому на ней устраивают иногда скачки; подобно Ойджайляу, здесь также было много аулов, вероятно, благодаря содержанию солей в почве. Река течет в невысоких глинистых берегах. Характер почвы

---

²⁶ Северной, текущей в Зайсан.

Хотонаши, хотя и в малых размерах, напоминает высокие степи, которых немало в Алтае по вершинам рек, как, например, Чарыша, Чуй и других.

Солонцеватость почвы появляется в хребтах Джунгарии при всяком расширении долины, на какой бы абсолютной высоте она ни лежала; это явление следует, вероятно, приписать медленному стеканию вод и сильному испарению, что должно характеризовать такие местности. И не только солонцы этих возвышенных степей, но и степей глубоких азиатских низменностей следует с большею осторожностью, чем обыкновенно это делается, приписывать к остаткам древних морей. В некоторых случаях, как, например, на Хотонаши, а также на солончаковой котловине Кызылчилик, с которой впоследствии мы познакомим читателя, появление солончаков можно отнести только к ныне действующим силам, да и в низменных степях значение современных сил могущественнее, чем обыкновенно думают; образование солончаков в степях происходит вследствие особенной судьбы растительных трупов; под влиянием особых климатических условий среднеазиатские степи с половины июля уже лишены растений: все они сожжены солнцем, обращены в труху и развеяны ветром по степи, эти развеянные останки под влиянием высокой температуры и сухости воздуха подвергаются совсем другому круговороту сравнительно с растениями лесных стран; здесь почти вся влажность испаряется из растений в атмосферу, когда растение еще не кончило своей жизни; измельченные в порошок, трупы их продолжают терять влажность до дождя, и тогда вместе с быстрым испарением дождевой лужи быстро происходит отделение газообразных составных частей от минеральных; этот процесс более походит на горение, чем на гниение, газообразные части поступают в атмосферу, минеральные остаются на почве, здесь не образуется таких аммиачных солей, которые оставались бы в почве и, накапливаясь с годами, могли бы образовать плодородную почву; напротив, на поверхности накапливаются только минеральные части растений, которые посредством своих корней все более и более переносят с глубины почвы на ее дневную поверхность. Если прибавить, сколько органических извержений, идущих в других странах в состав почвы, сжигается здесь, сколько солей приносится на поверхность почвы с уриной домашнего скота и ан-

тилоп, обитающих в степях, то одно участие органического мира в образовании степных солончаков окажется заслуживающим внимания; к солям, принесенным этим путем, присоединяются соли, выветривающиеся непосредственно из почвы; гранитные обнажения, кажется, в особенности дают случай к образованию соляных выщелков; мы привели один такой случай в описании поездки в Южный Алтай; солонцы Хотонаши также, может быть, обязаны своим происхождением гранитам Коджура. Конечно, глинистое дно бывшего моря дает еще более вероятия к образованию солонцов, и потому солонцы Арало-Каспийской, Балхашской и Алакульской низменностей можно считать за свидетельства некогда существовавшего здесь море; но солонцы высоких азиатских плоскогорий, а также солонцы зайсанских чиликов (Май, Ой и Кызыл), а может быть, и солонцов в низовьях Курмула, следует принимать исключительно современно действующим выветриваниям горных пород, окружающих котловины гор.

За Хотонаши Терсайрык вступает в тесное ущелье; берега реки здесь образованы из отвесных утесов песчаника, весьма легко разрушающегося; пласты поставлены почти отвесно; направление их преимущественно $\text{гор. } 5,0$. Но иногда они поставлены почти под прямым углом к главному направлению; определение пластов у самых восточных галерей золотопромышленников дало следующие результаты:

Верхний утес под Терсайрыком	$\text{гор. } 5,1$, па д. 2°
Позади него, в боковой лощине	$\text{гор. } 6,4$, пад. 8°
Нижний утес над Терсайрыком	
по другую сторону лощины	$\text{гор. } 5,0$, пад. 6°
Позади него, в лощине	$\text{гор. } 10,0$, пад. 3°

Эти слои образуют скалы в 30 футов высоты; если река течет параллельно направлению пластов, то они образуют над ней отвесную широкую гладкую стену, если разрывать их поперек, то слои выкрашиваются, и скала образует вид широких досок, поставленных вертикально с трещинами между ними в $1/2$ фута шириной и глубиной до самого уровня воды. Эти скалы так стесняют долину Терсайрыка, что по ней не может быть совсем проезда.

На этих пластах песчаника на обеих сторонах долины, от начала ущелья до его конца, навален нанос красноватой глины с галькой,

содержащей в себе золото; он образует толщу, равную высоте слоев песчаника; русло Терсайрыка засыпано этим же наносом. Стоки вод образовали в этом наносе и в пластах песчаника поперечные ложины с большим падением, которые так часты, что разбивают нанос на множество холмов; почти в каждой ложине берет начало ключ или лежит небольшое болотце. Около этих вод развивается разнообразная зелень, тогда как остальная поверхность холмов остается обнаженной, и красноватый цвет ее издали заметен. В этих ложинах цвели *Sepiaria cerasifera*, *Zepesio* зр., распространяющийся вниз до устья Терсайрыка только в сырых местах; в ключах — *Капсиониз папаз*. В глубине ущелья флора еще богаче, и появляются даже кустарники и ивы. На сухой поверхности золотоносного наноса — *Cietaiiz зоофогика*, *Тегторзиз иапсеоиа*, *Раигиния ипегтеспа*, *Зипра огипаииз* и койджуа, который мы не успели точно определить; кажется, это *Апит Зиеипапит*.

Разработка золотоносного пласта производится посредством штолен, которые расположены в подошве золотоносного пласта, так что верхняя поверхность песчаника служит полом штолен! Мы описываем ниже эти штольни по самым восточным промыслам, которые уже оставлены китайцами. Каждый холм прорыт этими штольнями с трех сторон: со стороны поперечной ложины, которая находится выше холма, со стороны р. Терсайрык и со стороны нижней ложины, так что в плане штольни внедряются в холм радиусами от окружности к центру; штольни выведены без стоек, и только там, где штольня разветвляется, отверстие в старую штольню закладывается крупными гальками. Высота просвета немного больше человеческого роста; рядом со штольней были устроены пещеровидные жилища, иногда с отдельным входом снаружи горы и сообщавшиеся со штольней посредством небольшого оконного отверстия, иногда же с общим входом; в одном из таких жилищ мы нашли печь с круглым отверстием для котла. Из отвалов образованы перед входом в штольню барбетов с горизонтальной площадкой; если судить только по величине барбетов, холмы не очень выработаны. Во всяком случае, простенки между штольнями еще не выбраны, что можно было бы сделать, завалив штольни. Дно Терсайрыка, кажется, разработано все; видны следы насильственного перемещения русла реки. Нанос, лежащий в русле, разрабаты-

вали шурфами, которые под землей разрабатывались в штольни с отверстиями для воздуха; много таких штолен найдено было нами разрушившимися.

От этих нижних промыслов золотопромышленники поднимаются выше, и нам за неимением хорошего жожака не удалось видеть самих китайцев, почему мы не можем сообщить и сведения о ходе работ, орудиях и величине добычи. По рассказам киргизов, добычей золота здесь занимается до 100 человек.

От нижних промыслов долина Терсайрыка принимает опять новый характер; на северной стороне долины находится Киттынгара, которая состоит из другого видоизменения песчаника, более черного и неслоистого, но также сильно разрушающегося, как и песчаник под золотоносным пластом; на южной стороне долину ограничивали низкие предгорья центральной цепи Тарбагатая. Берега реки здесь глинисты, иногда образующие на северной стороне высокие глинистые обрывы, но каменных обнажений близ реки уже не встречается; этот глинистый нанос и здесь наполнен галькой, но общий цвет наноса серый, а не красный, и следов золотопромышленных поисков не видно. Только на значительной высоте, в каменных ущельях Киттынгара, видны были уединенно лежавшие холмы красноватого и белого цвета, которые можно было признать издали за отрывок золотоносной россыпи, занесенный во время образования россыпи на значительное расстояние впереди от общего ее ложа. В этой части течения реку сопровождает великолепный луг, и растет небольшая ива, а также *Mugicaria aioreisioies*, *Pogodonium zoopodisit*, *Ciaisint 5^иатиSe^ит*, *Cheiiionit та]из*, *ЗапдизогБа айрпа*, *КиБез синеашт*, *Тетгорзиз Iапсеоiaia*, *Чатагерсioз аhaica*, *Бгiica саппаЫпа* и *Cietaiз зоощюгса*.

Близ нашей стоянки у Киттынгара почти на самом берегу Терсайрыка выступал ключ с необыкновенно холодной водой; против него в каменной массе Киттынгара находится пещера в виде ниши, кажется, почитаемая у киргизов священной, о чем можно заключить по палке, стоящей внутри этой пещеры и увешанной волосами и бараньими черепами. Стены пещеры и воздух нам показались сырыми. Подошва горы в этом месте, как и в большей части других, завалена обломками разрушившейся породы; несмотря на наружную сухость этих россыпей, на них росли *УШса саппаЫпа* и

Сейсіюшт та)из; тут же мы нашли Гһайіішт гоёіііт, Бёопигиз Іапайиз и Сіетайіз зоопдогиса.

6-го числа мы вышли на обширную высокую равнину Кызылчилик и пересекли ее до речки Кандысу; на другой день спустились по этой речке до ее слияния с Терсайрыком. Потом снова поднялись по Кандысу до впадения в нее р. Чиликты, а отсюда 10 июля перешли к югу на горный проход Боргоссутай.

Высокая котловина Кызылчилик со всех сторон окружена горами: с севера — Манрак, с востока — Сауры и Сайкан, с юга — Кузгунь или Боргоссутай, с запада — Кыттынгара и Кызылчоку. Манрак и Кызылчоку образуют узкое ущелье Исык, которое соединяет котловину Кызылчилик с равниной Зайсана.

Линия от устья Чиликты до Боргуссутая делит котловину Кызылчилик на две половины: западную, более высокую, и восточную, низменную. Западная состоит из глинистой почвы, поросшей АпаБазіз арһуіа, Зіра огіеніайіз, Зі. сарііаіа, Берісііт согсіашт, Оооіагла огіеніайіз; к р. Кандысу равнина спускается рядом небольших возвышенностей Койтас Кокена. Эта часть отличается от восточной сухостью; на западной ее окраине у самой подошвы гор лежит русло Терсайрыка, которое, однако же, кажется, было совсем без воды; по крайней мере, при соединении его с Кандысу воды в нем мы не нашли, да и близ Киттынгара было воды в Терсайрыке уже очень мало.

Восточная часть Кызылчилика орошена двумя реками — Чиликты и Кандысу, которые стекают с западного склона снежного хребта Сауры и в 15 верстах от Исыка соединяются в одно русло, а при Исыке соединяются с Терсайрыком.

В этой части Кызылчилика почва солено-глинистая; вдоль границы, которая отделяет западную половину от восточной, мы встретили несколько озер, поросших Ашпо!о рһацтіез и Зсігриз. На солонцах здесь растут растения, которые нам ранее не встречались: Ріапдаіо таіііта, Заиззигеа атага, а также Зіайісе сіесіріенз, Зіайісе зресіоза, АпаБазіз арһуіа, Каіісііт гһоіаіит, Kochia proziraia, Еигогіа сегаіоіоіез и Заізоіа Ыгһаchiaia.

Здесь же растет странное растение, принадлежащее к семейству Khirapiaeae, куда также относится известная своим трупным запахом рафлезия, растущая на о. Цейлоне. Это растение встречается также в Балхашской низменности на песках близ Или, против Илийского

пикета. На Или киргизы зовут это растение шайтан кутак (чертовы гениталии), здесь же оно носит название кайр — струя²⁷. Растение состоит из подземного клубня, от которого поднимается над почвой толщиной $\frac{1}{2}$ вершка в поперечнике мясистый ствол, усеянный от самого основания коричневыми цветами. Кызыкчиликский кайр отличается от илийского отсутствием запаха, тогда как последний необыкновенно вонюч. Здешние киргизы приписывают кайру большие целительные свойства.

Растительность мягких лугов близ озер и Кандысу составляют *Роіепіііа апзегіпа*, *Р. оІеаЦаІа*, *Тгідіосһіп тагііітшті*, *Ногсі ешп ргаіепзе*, *Саіііаніһетит* п. зр., *Зепесіо зоопһогісіз*, *Сігзіит асаіе*. Чий также встречается на более сухой почве близ водных местилищ.

Солонцеватая почва сопровождает берега Кандысу почти до слияния ее с Терсайрыком. Кандысу от устья Чиликты течет в плоских и мягких берегах, русло ее врезано на 2 фута в луговую почву; края русла крутые, как всегда бывает, если река прокладывает русло в почве, состоящей из толстого слоя дерна.

Не доходя 2 или 3 версты до соединения с Терсайрыком, характер берегов и дна ее изменяется; здесь она вступает в сухую глинистую степь; иловатое дно сменяется каменистым, по которому она течет с шумом; по берегам растут невысокие тополя, которые сопровождают все течение Терсайрыка от Киттынгары до Иссыка; вместе с тополями на Кандысу распространяется и травяная флора Терсайрыка, как-то: *Сіетаііз зоопһогіса*, *Роіепіііа уізсоза* и *Сепііана оІеситЪепз*. Впрочем, сухое русло Терсайрыка все-таки имеет более разнообразную флору; из числа кустарников здесь были роза, *Бопісега Іаіагіса*, *І. соегііеа*; на сухом русле, состоявшем из обнаженных галек, росли *Мугісагіа айоресігоісіез* и *Сіаисіһп зяіатіе;егит(?)*.

Местность эта замечательна в ботаническом отношении еще и тем, что здесь мы встретили несколько растений, которых нельзя было ожидать среди таких степей, именно: *Огсһіз Іаііҫоіа* (это был единственный представитель семейства орхидейных, найденный нами во всей южноалтайской и тарбагатайской флоре), *Рағпаззіа раізігіз*, *Шііпаніһіз Сгізіа даііі*, а также черемуха и *ЗапдізоғЪа*

²⁷ Бобровая струя называется по-киргизски кундус-каир.

ойсіпаііз. Эти растения указывали нам на близость колоссального Сауры, ребра которого, как мы могли различить с устья Чиликты, покрыты хвойным лесом, а вершины — вечными снегами, и в лесной, и в альпийской флоре которого можно надеяться найти более представителей севера, чем на Сартау и Тарбагатае, которые оба не покрыты вечными снегами, а последний, кроме того, не имеет ни одного хвойного дерева.

В отношении к куриному семейству северный склон Тарбагатая можно разделить на три пояса: улара, киклика и булдурука (Zughariez paгаоіохиз).

Улар (Pegсіх захагііз?) водится на альпах Тарбагатая; табуны их встречаются на горах Алтуайт, Сарычоку, Тастау, Найзагара, Бийсимас; последняя высота есть, кажется, самый западный пункт распространения улара, как Алтуайт — самый восточный. Улар не спускается в Тарбагатае летом ниже 7000 футов, но зимой спускается к подошве Тарбагатая, на Сартологой, и зимующие здесь киргизы часто ловят его живым в капканы, приманивая на солонец. Улар очень походит на Zieпһіһпег Швейцарских Альп.

У улара те же мощные формы и то же оперение, только экземпляры самца и самки, которые мы получили на Акджале, не имели белого пятна на горле и груди. Киргизы считают мясо улара деликатнейшим, и по свойственной этому народу склонности к разнообразным выражениям дружелюбия, братства и всяких симпатий киргизы считают долгом, застрелив улара, собрать своих знакомых и разделить с ними вкусное блюдо.

В одной зоне с уларом живет альпийский ворон (Соілаіз етасіііз); он распространяется от Алтуайта до Алета и спускается в долины до 5000 футов, тогда как в Швейцарских Альпах он не спускается ниже 7000 футов²⁸.

Ниже нижней предельной линии AісһетіІа уиІ\$агіз в предгорьях Тарбагатая, как, например, на Сартологое и скалистом течении Терсайрыка, водится рябчик киклик, которого в Кокане приручают и бой которого составляет любимое зрелище сартов. Жители Тарбагатая часто ловят кикликов живыми; они очень скоро ручнеют и несут в неволе яйца, число которых простирается до 30.

---

²⁸ Мы встречали его на Акджале, к западу от Сарычеку.

Наконец на солонцах Ойчилика и Кызылчилика водится третий вид куриных: бульдурук (Zugghariez ragasiohiz). Этот рябчик питается семенами *I_eriolinit gisiegaie* и койджуа.

На Чиликтах летало много гусей, куликов, а также были утки (Апаз сгесса) и чайки (*Ziegpa higipcio*).

Горную утку — атау, которую мы встречали в Южном Алтае за первыми предгорьями, в Тарбагатае мы видели только в нескольких экземплярах на 5 озерах, около Сарычеку, следовательно, на высоте около 7000 футов. Драхвы водятся на Ойчилике и на Кандысу. По киргизским преданиям, на Чиликтах водился прежде фазан.

На Чилике изредка встречается сайга, но куланов вовсе нет. Архаров мы видели на Сартологое; их более водится в горах Аркарлы, которые лежат западнее Сартологоя.

На альпах Тарбагатая водятся медведи и сурки; последних особенно часто мы встречали на Алтуайте.

В водах Кандысу водятся шуки, чебаки, гольяны и пескари, а также османы (небольшая рыба из породы сомовых).

Койджуа, АШШп, видовое название которого мы не успели определить, составляет любимый корм овец и обуславливает порядок кочеваний здешних киргизских волостей. Койджуа растет по сухим холмам от Хотонаши вниз по Терсайрыку, по всей западной половине кызылчиликской котловины до устья Чиликты и по всему Манраку; предгорья Сауры славятся обилием этого растения. Это зимняя пища овец, и потому по всему этому пространству от Хотонаши до Кокенова Койтаса у Кандысу мы нашли много зимовок, тогда как в летнее время это пространство безлюдно. Манрак летом совершенно безлюден, но зато служит зимовищем для множества киргизских волостей, чем он обязан, вероятно, койджуа²⁹. Вообще зону *Aichetitia uidaigiz* можно принять за зону летовок — джайлау, а зону кайджаус — за зону зимовок — кыстау.

В восточной части Кызылчилика, которая и есть, собственно, Кызылчилик, киргизские волости стоят в течение целого лета, подобно тому, как на Ойчилике и Ойджайлау.

Кызылчилик пересекается двумя дорогами: одна из них, пикетная, идет от горного прохода Боргуссутай до китайского пикета на

²⁹ На Манраке зимуют овцы даже алтайских скотоводов.

Черном Иртыше — Монитугатул; она, кажется, идет по восточной окраине Кызылчилика, подле самых гор, затем пересекает Манрак; другая от того же прохода Боргуссутай ведет чрез дефиле Исык к озеру Зайсан и на пашни, которые находятся на р. Черге. По этой последней кроме земледельцев также ездят и барантаци из Кызылчилика к северной подошве Тарбагатая; с одной такой разбойничьей шайкой, вооруженной пиками и ружьями, мы встретились в устье Чиликты; барантаци объявили нам, что будто они земледельцы и едут на Чергу на пашни, а вооружены потому, что через Исык без оружия опасно ездить, но достоинство оружия и лошадей выдавало их; действительно после оказалось, что они отогнали скот с р. Базар.

Кызылчилик, по всей вероятности, всегда имел большое значение в жизни кочевых народов, обитавших в Тарбагатае и Сауры. Здесь постоянно находились кочевки влиятельнейших людей, имена которых сохранились или в истории, или в преданиях. К западу от Кызылчилика в Тарбагатае находится проход Манастынасу, т. е. проход Манаса. Мы видели этот проход с горы Алтуайт, к северу от нее. Манас — герой самой популярной поэмы у дикокаменных киргизов. По преданию последних, приводимому Чоканом Валихановым в его "Очерках Джунгарии", Манас прежде кочевал в равнине Зайсана и оставил свое имя в названии какого-то урочища, подобно тому, как имя того же героя осталось в наследство одной реке, текущей из хребта Иренхабирган.

В XVII столетии на Темирчерге находилась зимовка калмыцкого тайши Аблая, который на лето уходил на реки Чар и Албайкитку. Под Темирчергой, по нашему мнению, следует разуметь р. Терсайрык. Это предположение мы основываем на следующем приурочении маршрута русского посла Федора Исаковича Байкова в 1654 году. В последнее время г-н Семенов в неизданных, но сообщенных г-ном Струве перед поездкою его на китайские пределы примечаниях к III тому Риттеровой "Азии", сделал попытку приурочения этого маршрута Байкова и весьма справедливо, как нам кажется, назначил путь Байкова по южному, а не по северному берегу Зайсана. Некоторые новые данные дают нам теперь случай подтвердить и продолжить это приурочение.

Федор Исакович Байков прибыл 22 ноября 1665 года на р. Карабуга, где находились бухарские пашни; отсюда он ездил в улус Аблайтайши, который в это время стоял от пашенных бухарцев в одном дне езды; в другом месте показания Байкова сказано, что Аблай зимовал в этот год на Темирчерге. На другой год весной, в апреле месяце, Байков вместе с Аблайтайшой покочевал на север через речки Дзонмудун³⁰, Чогуляк, Чар и Бешку; отсюда Аблай отпустил Байкова в Китай, и русский посол опять перешел к пашенным бухарцам в 10 дней, отсюда начинается интересная история для нас часть маршрута.

"От Тарану (т.е. от бухарских пашен) до Темирчерги, где зимовал Аблайтайша, ходу 2 дня, а на той речке Темирчерге живут бухарцы пашенные Контайшиных детей. А родится у них пшеница и ячмень, просо и горох, и скота всякого много; а лес по той речке, топольник; переходил ту речку в двух местах, а от речки Темирчерга до речки Каракучир ходу день, а стоит на той речке Контайшин сын Сенгетайша; а течет та речка Каракучир к Иртышу; а лесу на той речке нет; стоял на той речке Федор Исакович Байков день". Легко узнать в Темирчерге, на которой растет топольник, нынешний Терсайрык, а в Каракучире, по которой нет лесу, — нынешнюю Кандысу. Кажется, Байков прошел по Терсайрыку тем же самым путем, как и мы, т. е. от вершин к низовьям, а не поднимался вверх по Исыку; мы, подобно ему, также несколько раз (три) переходили через Терсайрык. Этим можно объяснить молчание Байкова о соединении Каракучира с Темирчоргой; вышедши по Терсайрыку у Киттынгары в Кызылчиликскую котловину, он оставил Исык слева и вышел прямо на Кандысу. "А от реки Каракучур до камня ходу день; а на том камени лежат снега великие. А калмыки сказывают, никогда де те снега не сходят; а от того камени до Контайшина городка ходу три дня. А город, сказывают, глиняный; а в нем две палаты каменные, бурханные; а живут в том городке Лобы да пашенные бухарцы".

Под камением здесь следует разуместь Сауры, за которым на р. Хобок находился город, построенный Цеван-рабтаном.

---

³⁰ Дзонмудун по-калмыцки — сто дерев, может быть, нынешний Джу-сагач.

"А от городка до камня ходу дна дня; а поперек того камня ходу полднища; а перешед тот камень, степь голая, только лес небольшой; называют его соксоул: растет невысоко, а дерево тяжело; а на огне горит, что дуб, топко".

Очевидно, Байков перевалил на восточную сторону Сауры по какому-то горному проходу.

"А от камня ходу до озера верст 20; а озеро то величиною подобно Переяславлю Залесскому. А калмыки сказывают: рыба де есть в том озере всякая, а вода в том озере пресная и зеленая, а от того озера до вершины иртышской ходу полднища, а переходил тою иртышскую вершину поперек, а лес и трава займищами, а шли возле тою иртышской вершины до мунгальских людей 5 дней".

Кажется, Байков говорит здесь об озере Кызылбаш.

В более позднее время, в половине прошлого столетия, на Темирцорге находилась зимовка калмыцкого нойона Даваци, последнего джунгарского хана. В 1751 году, во время правления Джунгарией Ламы Дорджи, Даваци управлял всеми калмыками, кочевавшими по Тарбагатаю; он имел здесь такое значение, что его ставка называется в сказках русских лазутчиков ближней ургой, в отличие от дальней резиденции джунгарского хана. Лето он, кажется, проводил на Тарбагатае близ горного прохода Хабарасу, а зимовку имел на Темирцорг (Терсайрык?) На р. Имель у него находились пашни, которые обрабатывали пленные турфанцы. Вот в каких урочищах он был найден русскими лазутчиками.

В 1745 году 12 июля Соболев нашел его ставку за Хамартабаном, в 15 верстах от бухарских пашен.

Зиму он провел на Котемир(?)-цорг, а летом 1747 года Котовщиков нашел его на Хамартабане, в урочище Борохуджир.

В 1750 году, в августе, в ставке Даваци был Мяникин, но он не называет урочища, в котором она находилась; ехал он к ней вверх по р. Уласты и перевалил потом через горы (вероятно, Коджур?).

В 1748 году, в марте, на Темирсорге кочевал другой калмыцкий нойон Амурсана, известность которого связана с судьбой Даваци.

В 1751 году Даваци и Амурсана отделились с своими подданными от джунгарского хана; для присоединения их были посланы

ханские войска под начальством Чавдара, с которым отложившиеся нойоны и сразились сначала при р. Коконахой (синяя собака), притоке Черного Иртыша; приурочить Коконахой нам не удалось. Даваци и Амурсана бежали на север, в Южный Алтай, на р. Нарым еще раз были настигнуты ханскими войсками, разбиты и принуждены были с ничтожным числом приверженцев скрыться в киргизской орде. Впоследствии, когда Амурсана хотел спасти Джунгарию от завоеваний китайцами, Тарбагатай служил базисом его действий; здесь он сгруппировывал своих приверженцев и нападал на улусы, передававшиеся китайцам. Поэтому во время завоеваний китайцев в этой стране Тарбагатай был часто обгаем кровью и наконец до того опустошен, что в 1759 году в нем вовсе не было людей. Два калмыка, впоследствии бежавшие в Россию, провели в Тарбагатае $\frac{1}{2}$ года (1758—1759) и во все это время не видали других калмыков. Поэтому неудивительно, что этот хребет был очень быстро занят киргизами; в 1750 году мы встречаем киргизов уже на р. Хабаргабазар, именно кирейский род, управляемый тогда Ходжебергенем и до 1750 года кочевавший не восточнее р. Чаргурбан. Это, вероятно, те самые киреи, которые и теперь составляют авангард киргизского народа в его наступательном движении на восток. С половины прошлого столетия, когда самые восточные кочевья киргизов были по рекам Чаргурбан и Баканас, до настоящего времени киргизы подвинулись до Канаса и снежной линии Сауры, что составит около 300 верст. Несколько десятков лет тому назад они, кажется, еще далее проникали на восток, но были оттеснены китайскими войсками. По крайней мере, Мухаммед султан, кочующий теперь в Южном Алтае, имел прежде кочевья на восточной подошве Сауры, близ известной сольфатары Кобокзари, или, как произносил, Мухаммедсултан, Сайр- или Джайркобук. По рассказу Мухаммедсултана, местность эта такая же керчь, как и Чакылмыс (на северном берегу Зайсана), т.е. состоит из толстых наносов красной глины, вероятно, также размытой водой, как и на Чакылмысе. Почва горячая, так что просидеть на ней можно не долее, как только выкурить китайскую трубочку табака. Здесь

ломают нашатырь и вывозят в Чугучак. Вероятно, это не что иное, как самовозгорающиеся каменноугольные пласты³¹.

11 июля мы были при северной подошве горного прохода Бургуссутай. Проход этот очень низок, высоты, к нему пролегающие, далеко не достигают нижней предельной линии *Aichetiiia* уидагиз. Проход ЭТОТ очень удобен не только для выючных животных, но и для экипажей. Подъем с северной стороны менее значителен, чем с южной; разность между ними благодаря возвышенному положению Кизылчиликской котловины здесь еще более чем на Хабарасу. С высот, прилегающих к проходу, мы видели верхнее течение Имиля в глубокой продольной долине, образованной хребтами Сайкан и Ушкашар (ОI-Кoihгог на карте Клапрота). Эта долина служит границей между кочевьями киргизского и калмыцкого народов. Мы должны были на ночлег остановиться при северной подошве прохода, потому что на южной в эту пору года воду можно найти только на значительной глубине ущелья. Мы расположились около скудного источника, возле которого цвели *Рагназзия раизигиз*, *Зригаеа иптагя* и *Һапҗиизогҗа оШсинагиз*. На груде каменных обломков встретился *Нуозсуатиз пидег*, появление которого здесь можно приписать разве только тому, что это место лежит на пикетной дороге. Горы состоят из пластов песчаника.

12 июля мы поднялись по восточному склону Тарбагатая по так называемой у киргизов хребтовой дороге и в тот же день достигли зоны *Aichetiiia* ушдагиз и *Рарауег айрипит*. Хребтовая дорога здесь чрезвычайно затруднительна, в особенности по крутизне и каменистости западных склонов гор. Прежде чем достигнуть средней высоты Тарбагатая, мы должны были два раза спуститься в глубокие седловины, которые разделяют восточный конец Тарбагатая на две резко очерченные группы Алтуайт и Дастар. Западная седловина отделяет Итыкчи от Алтуайта, средняя Алтуайт — от Да стара и, наконец, восточная, глубже всех врезанная седловина, есть горный проход Боргуссутай.

---

³¹ В рукописной записке Недорезова, бывшего смотрителем войсковой рыбалки на Нор-Зайсане, которая послужила единственным материалом для статьи г-на Абрамова о Нор-Зайсане, напечатанной в "Записках Императорского географического общества", причем автор не назвал своего источника, упоминается о самовозгораниях из чакыльмысской глины.

15 июля мы снова достигли гор Коджур. Горы по преимуществу состояли из пластов песчаника. Фистацит очень часто встречается в Восточном Тарбагатае. На Алтуайте в одном месте мы встретили обнажение гранита. В вершинах р. Себеты находятся холмы конгломератов; не доходя до гор Коджур, западнее Итыкчей, мы миновали вершины ущелья Кызылсай, которое выходит нижним отверстием в долину терсайрыка. Кызылсай получил свое название от обнажений гранита красного цвета; цвет этот весьма напоминал цвет терсайрыкского золотоносного наноса.

В Кызылсае мы заметили один шток, который состоял в нижней части из яшмы, а верхняя его половина была составлена с одной стороны из красноватого гранита, а с другой — из серого песчаника. Россыпи и ложе рек к востоку от Кызылсаея состояли из обломков яшмы, а частью — из красного железняка.

Близ Кызылсаея мы миновали необыкновенно большую могилу, состоявшую из обломков кызылсайского гранита; высота этой насыпи была около 5 футов. Название этой могилы нам не удалось узнать; по всей вероятности, она очень древняя.

Кызылсай можно считать за восточную границу гранитных обнажений Коджура, потому что эти гранитные обнажения от Кызылсаея до Коджура больше не прерываются. На севере, может быть, Кызылчеку состоит из такого же красного гранита, как и Кызылсай; по крайней мере, об этом можно догадываться по ее цвету. Итак, гранитная площадь Коджура есть самая большая в Тарбагатае: по хребтовой дороге она занимает около 15 верст.

На Коджуре мы уже никого более не нашли; киргизы спустились в долины Терсайрыка; одни альпийские вороны своим криком оживляли пустынные скалы Коджура и весело дрались на стойбищах юрт, где они находили питательные зерна.

На Сарычеку 16 июля мы еще застали аулы, но и те на другой день снялись и спустились в теплые долины. Погода на альпах становилась суровой, начались дожди, иногда с градом. Только те киргизы еще оставались на месте, которые летовали в более низких местах. Аул Биджи на Акджале еще не трогался, но он уже был крайним к альпам.

19 июля мы спустились на Акджал и здесь, в гостеприимном ауле Биджи, отдохнули от своего путешествия. Тут нас ждало не

только спокойствие, но и некоторые удовольствия и даже представления. Почти каждый вечер устраивалась борьба всегда импровизированным образом: сначала взрослые люди от нечего делать подзадоривали детей к борьбе, потом начинали меряться силой и взрослые; иногда устраивался бег детей, взрослых людей и однажды устроили бег лошадей.

Внешняя оболочка, в которую облакается жизнь этих кочевников, имеет в себе достаточно поэзии, чтоб обольстить человека, поверхностно наблюдающего народные нравы. Жизнь нашего знакомого Биджи протекала, по-видимому, среди довольства очень спокойно; он был окружен родственниками и верными слугами. Мы не можем забыть высокого, ловкого и сильного сарта Макаата, который всегда играл первую роль как во время приготовления чая, так и во время борьбы. Момын, наш верный спутник, тоже составлял одно из звеньев той цепи, посредством которой Биджи держал тарбагатайское население в экономической зависимости. И много других подобных сартов или толпятся около Биджи, или исполняют его поручения вдали от него. Стоило Биджи послать с Акджала за Момыном на Ойчилик, и Момын в ту же ночь приехал на Акджал, не отложив поездки до завтра. Исполняя свои желания посредством вторых рук, Биджи, кажется, оставалось только созерцать свое богатство из своей юрты. Оно, как будто, так и выходило. Во время нашего пребывания утро проходило в обмене взаимными угощениями, вечер — в народных увеселениях до заката. Затем Биджи возносил благодарение Богу, творил свой вечерний намаз, да и это он исполнял не сам, а за него распевал арабскую молитву Момын или кто-нибудь другой. Эта вечерняя молитва всегда напоминала нам, что мы находимся на северо-восточной окраине мусульманского мира. Долго еще и после намаза жизнь в ауле не утихала; киргизы по вечерам долго не спят, из юрт слышатся неясные разговоры; изредка раздается ободряющий крик пастуха, иногда аульные девицы, собравшись в одной юрте, развлекаются далеко за полночь песнями; и так как все киргизские песни можно спеть на один мотив, то, несмотря на перемену либретто, один и тот же мотив будит тишину ущелья в течение всей ночи. Раза два в ночь произойдет в ауле какой-то общий гвалт: шорох от встающих баранов, бляение, лай и крики

пастухов и девиц, оставивших на время пение. Это дерзкий набег волка. Вскоре спокойствие восстанавливается, и продолжается та же самая песня.

В этой маленькой картине набег волка усиливает ее поэзию, но, без сомнения, киргизы бы желали обойтись без этого поэтического эпизода. Волки производят такое опустошение в стадах киргизов, что сделались их злейшими врагами, и киргиз не может без остервенения смотреть на волка. Когда один из нас получил на Черном Иртыше в подарок двух волчат и, не имея времени препарировать их, отпустил живыми, то этот поступок нашего сентиментального спутника произвел между киргизами такой ропот, как будто он учинил преступление против общественной собственности.

Есть у киргизского хозяйства и другие волки. Мысль о барантаче приводит душевный организм в такое же сотрясение, как и волк. Нам случилось однажды попросить одного состоятельного киргиза показать стрельбу из лука. Киргиз этот приобрел от китайцев лук и полный колчан нарочно для страха барантачей; он устроил небольшую мишень из войлока и попросил нас предположить, что это барантач. Потом он начал пускать стрелу за стрелой; всякий раз, как он спускал тетиву, глаза его горели, как будто он видел перед собою врага. Торжествующий стрелок спросил нас, может ли безнаказанно кто-нибудь посягнуть на его богатство. Если бы в чьей-нибудь голове составилось представление о киргизах как о поголовных барантачах, то такое мнение было бы в высшей степени несправедливо. Всякий киргиз, имеющий какое-нибудь имущество, хлопочет уже о его безопасности; тем более об этом хлопочут люди, скопившие большое богатство разными путями, иногда той же барантой. Поэтому большинство киргизского народа относится к баранте враждебно, и влиятельные лица, преследующие это зло, как, например, Тана, пользуются народной любовью.

Биджи имел не далее как в десяти верстах врага, которого был должен ждать ежечасно. Это был Тюлюгун. Оба они соперничали во влиянии среди тарбагатайского населения; подобно тому, как Биджи покорил его своей торговлей, так Тюлюгун хотел покорить страхом своих набегов. В киргизском обществе от разных невзгод и эксплуатации сильных образовался пролетариат; из этих бобылей Тюлюгун сгруппировал около себя значительную толпу наездников,

которые не имеют ничего, кроме хорошей лошади, хорошего ружья и изысканного платья. Из этих людей, презирающих комфорт и мирную жизнь, Тюлюгун составил себе силу, с которой легко соперничал с Биджи, князем тарбагатайской торговли. Тюлюгун не имел замка, но он гнезвился в глубине лощины Ойджайляу; и отсюда он делал набеги на неродственные роды, кочующие в других хребтах, а не в Тарбагатае. Он грозился развеять богатства Биджи, а последний употреблял все усилия окончить вражду дипломатическим путем; он предложил свою руку дочери Тюлюгуна, желая соблазнить его большим калымом. В таком положении находилась вражда до нашего прибытия. Узнав о наших дружеских отношениях к Биджи, как мы выше уже сказали, Тюлюгун очень боялся нашего вмешательства и собрал в лощине Ойджайляу порядочную толпу единомышленников. Пропустив нас мимо, он решился напасть на Биджи. В ауле Биджи все были напуганы его приготовлениями. Биджи также собрал около себя кого мог, учредил ночные разъезды, собрал сколько можно оружия, которого, впрочем, оказалось только 4 ружья и несколько сабель, и ожидал нападения. К счастью его, в аул к нему заехали с Хабарасу русские казаки, возившие почту, Биджи пригласил их пробить несколько времени у него в ауле, и Тюлюгун должен был отказаться от своего намерения, боясь впутаться в историю с русскими.

В ауле Биджи мы узнали также, что и наше путешествие по Восточному Тарбагатаю было небезопасно. В то время как мы спускались по долине Терсайрыка, Джумуки собрали вече для решения вопроса, не напасть ли на нас. Вече единодушно решило с позором прогнать нас из Тарбагатая; был составлен значительный отряд из пылких патриотов, вооруженных и горевших желанием сразиться за отечество. После двухдневного следования за нами по пятам одному рассудительному воину пришла нечаянно в голову прозаическая мысль, не лучше ли, чем искать славы в смерти за отечество, возвратиться к своим табунам и невестам. Эта вероломная идея также быстро овладела всеми патриотами, как прежде жажда славы, и толпа разбрелась по своим долинам.

Вообще киргизы любят жизнь и боятся умирать. Легкость пропитания, умеренный климат, симпатичность в личных отношениях между собою образуют в киргизах привязанность к жизни, и кир-

гиз умирает героически только тогда, когда видит, что смерть неизбежна. Известно, что прежде смертная казнь была неизвестна в степи и была введена чужеземцем ханом Аблаем. Во время нашего пребывания был следующий случай: у одного киргиза пропала корова; после тщетных поисков хозяин ее поехал на охоту и увидел ее стоящей на неприступной высоте на выступе скалы, с которого корова не смела шагнуть ни назад, ни вперед. Догадавшись, что корову завели туда люди, что это должны быть воры, хозяин коровы начал искать их по ущелью и действительно нашел 3 человек, у которых не было никакого оружия. Прицелившись в них из ружья, он потребовал сначала, чтоб они не шевелились, потом потребовал, чтоб они связали друг другу руки; когда у двоих были руки связаны, он сам связал руки третьему, затем, прикрепив к их телам весьма неприличным образом канат, он привел их в аул к великому соблазну и смеху женщин и детей.

Из аула Биджи мы совершили еще две поездки, одну на юг, к скалам Кунегуя, другую на запад на Тастау. Кунегуя состоит из известняка, который образует на южном склоне Тарбагатая, к югу от Акджала, высокие утесы, поросшие можжевельником, делающим темные пятна на белом фоне; скалам прежде давали название Актаса (белый камень) и изменили его по следующему обстоятельству. В половине утеса выветрилось нитеобразное углубление, в котором поместилась чета орлов, так как утес был высок и отвесен, то орлиное гнездо было неприступно; киргизы спустили с вершины утеса на канате подойник, наполненный камнями; гром, произведенный камнями, когда потрясли подойник, поравнявшийся с гнездом, напугал находившихся в гнезде орлят; они повыскакали из гнезда, упали на дно долины и были переловлены; отсюда новое название Кунегуя: кунёг — подойник, уя — гнездо. Известняки часто встречаются на северном склоне Тарбагатая: между реками Кульдененсу и Лайбулак в южных предгорьях Тарбагатая также находится гряда известковых холмов в соседстве с песчаниками; и здесь на известняке растет *Pitiregiz*. У Кунегуя известняки образуют самые грандиозные виды, узкие и глубокие теснины.

Тастау мы застали уже с отцветшими растениями. Мы поднялись на него с севера; Тастау состоит из двух вершин, из которых меньшая, юго-восточная, называется Джелаулы (Знаменная),

а более высокая, северо-западная, есть собственно Тастау. Обе эти высоты соединены высоким перешейком. Мы поднялись только на Джелаулы. Собранные нами образчики горных пород переданы горному инженеру Татаринovu, равно как и образцы пород, собранные в Восточном Тарбагатае. Поверхность Джелаулы была засыпана мелкими обломками пород, из которых для некоторых вовсе не было месторождения на вершинах Джелаулы, хотя обломки и лежали на ней; вообще вершина Джелаулы носила следы сильного разрушения. Мы поднимались по россыпям, которыми была покрыта поверхность склонов со всех сторон.

От высокого перешейка, соединяющего Джелаулы и Тастау, начинается глубокая вначале лощина, в которой очень быстро течет р. Нарын; воду свою эта река берет из большого пятна вечного снега, лежащего на северной покатости Джелаулы. Склоны Джелаулы и Тастау к долине Нарына так круты, что хребтовая дорога не может обойти ее с южной стороны и должна пересечь долину поперек, причем с запада приходится спускаться в нее по крутому спуску. При начале спуска навалена большая груда камней, которая украшена волосяными жертвоприношениями киргизов. Здесь мы нашли каменную дощечку с китайскими буквами, которую имеют обыкновение оставлять китайские рекогносцировочные отряды на замечательных местах. Киргизы говорили, что здесь вставляется знамя, откуда и название Джелаулы.

Когда наступило время и для Биджи спуститься в долину (он зимует при северной подошве Тарбагатая), мы оставили его аул и спустились к южной подошве по крутому горному проходу Сарчиганак.

Приложения

I. Известия из архива Правления области сибирских киргизов, в Омске, из 1Л тома, с. 148

1. Показание двух калмыков, вышедших в Усть-Каменогорскую крепость, Итигильту и Шонхур Баасуновых (6 мая 1760 г.): отока эгехурал, ведомства зайсанга Гепхали, жили в 1000 кибитках при урочище в горах Буурал, от русской границы месяц езды. Назад тому лет 7 напали на оток киргиз-кайсаки и разбили его; калмыки бежали в 100 кибитках и в Алтайских горах в иртышских вершинах через 2 месяца собралось до 700 кибиток, откуда пошли на прежние жилища, где прозимовали, а весной пошли на р. Илю. Здесь напали на них китайцы; 25 кибиток бежало в горы Барлук. Здесь напали на них киргиз-кайсаки; 11 человек мужчин и женщин бежали в горы Буурал и жили при речке Долонуту с год. На этом кочевье опять напали на них киргиз-кайсаки, братья Баасуновы бежали отсюда вдвоем и около тех же мест шатались года полтора, и как своих братьев-калмыков найти не могли, то и пошли в Россию. Урочище Иреньхабарга называется по горе, из коей течет множество речек, на том урочище до разорения Зенгории жили калмыки, называющиеся абагасы и хадамы; земля весьма хлебородная, ибо они до разорения хлебом почти оттоль и питались, только в летнее время на том месте весьма оводно, а особливо комаров и мошек чрезвычайное множество, так что скоту быть невозможно, для чего те жители оный скот отгоняли в горы. Ехать же к оному урочищу от Усть-Каменогорской крепости чрез нижеписанные места: 1) в летнее время переправяеь чрез р. Иртыш и ехать на урочище к горе Халм, куда прибыть можно через три дня верхом; 2) оттоль ехать на озеро Норзайсан, куда прибудешь, по ровности места, верхом через два дня; 3) от Норзайсана ехать по берегу того озера до горы Тарбагатай — день; 4) от Тарбагатаю на р. Имиль ровное ж место — один день; 5) оттоль на небольшую р. Буурул — один день, место ровное ж; 6) а потом к горе Заир, а телегою, за гористыми местами, — невозможно; 7) от горы Заир на выпадающую из горы, Иреньхабарги речку Уланусун верхом 9 дней, а телегою, за гористыми местами, — невозможно, зимою ж

и гораздо лучше, ибо в летнее время за имеющимся в тех местах оводом проезд крайне трудный, а от той речки гора Иреньхабарга состоит день езды и место ровное, и все вышеписанные проезды объявляли скорою ездою.

2. *Показание их же об урочище Заир.* Урочище Заир называется по горе, коя и простирается на немалое расстояние, примером езды будет 10 дней, при коей до разорения Зенгории находилось зенгорских калмыков 1000 кибиток, расстоянием следуя от России мимо р. Имели. От той реки внутрь Зенгории езды 3 дня и верхним концом оная гора Заир оканчивается за озером Халтарышига, езды на 1 день к киргиз-кайсацкой степи. А как они на том урочище были и от оного на здешнюю сторону вышли, будет времени 2 месяца, но в ту их там бытность никаких людей не видали и ни от кого не слышали. Из горы же Заир никаких рек, кроме ключей, не выпадает, а ключей хотя и множественное число, только из оных ни одной речки течения не имеет, а оканчиваются не в дальнем расстоянии и более с течения не имеют. Лесу ж как на той горе, так и в близости при ней, кроме самого мелкого да и то только при тех ключах, не Имеется, и на самой горе, кроме лесных яблонь, лесу никакого не имеется. А урочище Угуркузун они не знают.

3. *Показание бухаретина Байназара Шахназарова (6 мая 1760 г.). Из того же тома.* Урочище Иреньхабарга называется по горе, коя простирается в длину 10 дней езды, на которой лесу соснового, а под нею по выдающим из оной горы речкам березового и осинового довольно, на котором месте жительство имел нойон Септень, например, в 10000 кибиток, при том урочище хлеба сеяли бывшие тут калмыки довольно, и земля плодородная, где родится пшены сарочинской с удовольствием. А тракт к оному урочищу от здешней границы за способнее признавает от крепости Семипалатинской на нижеописанные урочища: 1) переправиться р. Иртыш на устье р. Царгурбане и ехать на гору, называемую Халма, расстояние будет тихою ездою 6 дней, где без нужды можно ехать и телегою; 2) от горы Халмы на р. Хабаргабазар обыкновенною тихою ездою три дня, где места хотя и гористые, только к хлебопашеству способные, которым местом, как летом, так и зимою верхом ехать способно, а с упряжкою не без труда, но, однако ж, возможно; 3) оттоль на гору Хамардабан тихою ездою два дня езды, места

чрезвычайно гористые, и с упряжкой проехать никак невозможно, а зимним временем за глубокостью снегов оную гору объезжают возле ее; от Хамардабана на р. Имель, куда и придешь в один день, места ровные и к хлебопашеству весьма способные; 5) оттоль на р. Шарахулусун езды будет один день; 6) от речки Шарухулусун мимо горы Заир на озеро Халтарышиге, куда и придешь в 4-й день; 7) оттоль на р. Боротала езды будет два дня; 8) от р. Боротала на реку Тулубулак приехать в полтора дня; 9) оттоль ехать на самое-то урочище Иреньхабаргу и придешь в 15-й день и все выписанные переезды от самого Хамардабану, места ровные и к хлебопашеству способные, только между последним от р. Тулубулак до оноу урочища Иреньхабарга чрез 15 дней переезд в вешнее время за разлитием двух больших, а именно Мамае и Лугулан, да пяти маленьких речек, кои выпадают из оной горы Иреньхабарга, крайне трудный, ибо мостов и переправ не имеется.

4. *Рапорт полковника Лестока из крепости св. Петра от 29 марта 1760 г. С сообщением известий об урочище Иреньхабарга по показанию тарского юртовского бухаретина Реймбака Аширова.* Урочище Иреньхабарга находится от Семипалатинской крепости в 20 днях летней езды, ежели ехать ровным лошадиным шагом, а дорога от Семипалатной лежит до каменистого места Камартабан, до которого можно свободно телегою ехать, а от Камартабана между камнями ездят обыкновенно навьюча и телеги 2 дня, а потом ниже на телегах ездили до р. Имиль, сколь он помнит два ж дня, а от р. Имиль, где оставили телеги, на которых далее ехать не можно, ехали до урочища Иреньхабарга 5 дней легкою ездой верхами; токмо тому уже, как оный Амиров ехал лет 16, и тогда как оное место Иреньхабарга калмыцкая земля, то был городок и пашни пахали у живущего там зайсанга Септена бухарские полоненники; а полоненные бухарские крестьяне нашейные жили в помянутом городке, который сделан был из сушеного, а не обожженного кирпича. У речки же Эмиль имеется такой же городок с бухарскими хлебопашенными крестьянами под властью ноена Дебачи. Вышеупомянутое каменистое место Хамартабан можно объехать телегами, не разбирая для вьючения оных, токмо с немалым округом. А далее до урочища Иреньхабарга есть ли дорога телегами, он Амиров не знает и сомневается, понеже и они тогда ехатчи телеги у урочища Имиль оставили и до Иреньхабарга верхами ехали.

II. Сведения о торговле в Семипалатинске в конце прошлого столетия, доставленные для составления географического описания Кольванского наместничества

В Кольванское наместническое правление из Кольванской казенной палаты.

В сообщении оное наместническое правление прописывает изъяснение коллежского секретаря Степана Кашкарова таково: что наместническому правлению хотя и донес он, что более недостатков никаких не будет иметь в составлении топографического описания, но как еще сие сокрыто; от таможенной же экспедиции 13-й параграф весьма неясно предложен, а надобно ведать, в котором году коммерция существенное начало и основание имеет с азиатскими купцами и в чем с самого начала их состояла мена, в каком прежде заложенном месте, и в течение семи лет которой почитался таможенным сбором превосходнее, и в которой год тот сбор упал, такожде какие из привозимых ими товаров самые простые и составляющие драгоценность; равно с российской стороны к ним отпугаются дорогие и какой из привозных со стороны пограничной между запретными, равно и от России запрещенные почитаются, почему наместническое правление требует без промедления времени, учиня по оному найдостовойнейшую выpravку, дать оному знать. По справке в таможенной экспедиции из дел и описания бывшего экономии директора Олина оказалось: существенное основание коммерция с азиатскими людьми начало возымела в таможах Семипалатинской с 1754-го, Ямышевской — с 1731-го, в меновых дворах Усть-Каменогорска с 1765 года, Железинском — с 1767 года; мена товаров с азиатскими людьми, как то: киргизами, ташкинцами и бухарцами у российских купцов состояла в обращении таковых же товаров, каковы и ныне бывают; азиатские люди променивают на учрежденных меновых дворах, состоящих за р. Иртышом, составляющим линию российским купцам, товары китайского продукта; шелковые материи, канфы, фанзы и лянзы, китайки, дабы чаи разных разборов, посредственной доброты и в янбах чистое серебро, которое в прежних годах бывало в довольном количестве, а ныне весьма в малом; ташкинского продукта бязи, бумага хлопчатой, пряденной и непряденной, саранжи,

выбойки, занавески и пшена сарочинского; киргизского продукта: лошади, всякий рогатый скот, овцы, армяки верблюжьей шерсти, армятина, войлоки, мерлушки, овчины, всякие сырые кожи, арканы волосяные, разная мягкая рухлядь, и сверх того люди — калмыки и карыкалпаки. Российские азиатским немецкого продукта: маржаны, разных разборов сукна, бархат, верверет, бритвы, бисер и другие мелочные вещи; российского продукта: сукно солдатское, кожи юфтовые, бобры камчатские, железные, медные и чугунные вещи. Места для торговли хотя и назначены были прежде за Иртышом, окопанные рвами без всякого строения, но ныне оные опустели, на которые часто случается и воинские линейные начальники купцов не пропускают, и азиатцы, а особо ташкинцы, приезжают для торговли в самые селения, состоящие при таможах, где живут российские купцы и тут имеют свое пребывание, а некоторые из них и домами обзавелись, и живут уже около семи лет; отъезжают иногда с российскими товарами для торговли за границу и оттоль возвращаются с азиатскими товарами разных продуктов и меняются с российскими купцами. Об упадке и превосходстве торгова сказать уверительно ничего не можно, как здешние таможи не имеют никаких казенных пакгаузов или хранилищ для складки товаров, ни стражи, ни ограды, ниже потребного числа таможенных и канцелярских служителей и определенной на содержание всего того суммы, и хотя в ведомостях и показывая пошлиной доход за прежние годы постепенно как будто возвышающимся, но сие еще не ознаменует превосходства торговли за неимением всего того в должном устройстве. Составленные для здешних таможен планы и штаты отправлены на апробацию в комиссию о коммерции еще в 1786 году, но на то никакой резолюции не последовало. Привозимые азиатцами на меновые двory товары почитаются простыми: армяки, войлоки и арканы, драгоценность составляющее — серебро; россиянами промениваются: низкоценные, медные, железные и чугунные вещи; дорогие: маржан, золото пряденое в литрах и семя канцелярское. Запрещенные товары вывозить из-за границы суть сии: шартабак, медные деньги и ассигнации, вино хлебное и водки янивер и коя из хлеба сидится, канифоль, гарпиус и скипидар, мишура плоская и пряденая красная, белая, мишурные ленты, позументы, кружева, галуны, мышьяк и прочие опасные

ядовитые материалы и соль иностранная; отпускать за границу: серебро, золото, золотые ефимки, серебряная монета, сделанная из серебра и золота всякая посуда и слитки, жеребцы, кобылы, кожи лосиные сырые, воловьи, кониньи, деланные на лосину, кониньи же сухие, олени и сайгачьи сухие деланные, портупей кожаные гладкие телятинные на лосиное дело и лосиные простые всякие, пуш бобровые и выдровые, поташ, смолчуг и пряжа льняная. В Казенной палате определено: с прописанием справки сообщением Кольванскому наместническому правлению дать знать, при чем приложить о пошлинном сборе в каждом году порознь во всех таможнях и меновых дворах и ведомость с того самого времени, как известно о сем по делам в Палате, каковую ведомость списать с имеющейся в экспедиции. Июня 8 дня 1794 года.

Тимофей Богаевский

Выписка

из ведомости, коликое число пошлинных денег собрано в каждом году в таможнях и меновых дворах, в Кольванской губернии состоящих, с выменным из-за границы и променных за оную товаров, начиная сие исчисление с 1747 года, хотя же Ямышевская таможня открыта около 1731 года, однако о пошлинных доходах никакого сведения не найдено (*см. табл. 1*).

Таблица 1.

ГОДЫ	В ТАМОЖННХ				В МЕНОВЫХ ДВОРАХ				Итого во всех местах в год вступило	
	в ввозе		в вывозе		в ввозе		в вывозе		в ввозе	в вывозе
	в ввозе	в вывозе	в ввозе	в вывозе	в ввозе	в вывозе	в ввозе	в вывозе		
в ввозе	в вывозе	в ввозе	в вывозе	в ввозе	в вывозе	в ввозе	в вывозе	в ввозе	в вывозе	
1779	—	—	174	30	—	—	—	—	174	30
1780	—	—	200	37	—	—	—	—	200	37
1781	—	—	307	60	—	—	—	—	307	60
1782	—	—	160	31	—	—	—	—	160	31
1783	—	—	44	8 1/4	—	—	—	—	44	8 1/4
1784	—	—	30	10 3/4	—	—	—	—	30	10 3/4
1785	—	—	30	11 3/4	—	—	—	—	30	11 3/4
1786	140	30 3/4	30	6 3/4	—	—	—	—	170	37 1/4
1787	140	30 1/2	304	57 1/2	—	—	—	—	284	57 1/2
1788	30	30	30	10	—	—	—	—	60	20
1789	17	30 1/4	40	30	—	—	—	—	57	17 1/4
1790	30	1 3/4	30	10	—	—	—	—	60	20 3/4
1791	30	4	712	30 1/2	—	—	—	—	742	30 1/2
1792	30	30 3/4	30	30 3/4	—	—	—	—	60	30 1/2
1793	30	4	30	37 1/4	—	—	—	—	60	37 1/4
1794	30	30	30	11 3/4	—	—	—	—	60	37 1/4
1795	160	7 1/2	404	30	—	—	—	—	564	30
1796	171	7	400	36 1/4	—	—	—	—	571	36 1/4
1797	170	30 1/4	411	37	—	—	—	—	581	37

III. Собираением произведений устной поэзии киргизов мы не занимались; здесь, однако же, помещаем несколько образцов, которые успели записать

Загадки

Узю джок, кулюнкусе ток. — Самого нет, а тень есть (коло-Дец).

Уш нарсе кичкенеден улькон булады. — Три вещи из самого малого делаются большими (огонь, смерть, ссора).

Сэгиз нарсе тоймайды: кокрек акылга, конуль ойга, ер малга, катын иргэ, от отунча, джер адамга, курега кузь, тыль сузга. — Восемь вещей ненасытими (сердце умом, рассудок мыслью, хозяин богатством, женщина наслаждением, огонь дровами, земля трупам, глаза созерцанием, язык беседой).

Тёрт нарсэге токтау джок. — Четыре вещи не остановить (старость, смерть, голод, сон).

Таста тамыр джок. — У камня друга нет.

Бака да баур джок. — У лягушки легкого нет.

Кус та сют джок. — У птицы молока нет.

Джилкы да уть джок. — У лошади желчи нет.

Детская песенка о просе секемень

(записана от муруна)

Секемень тары пыскан джок. — Секемень просо не созрело.

Казактары таудан тюскэн джок. — Киргизы с гор не спустились.

Козулары шикен джок. — Ягнята не выросли.

Секемень тары пыскан да. — Секемень просо созрело.

Казак таудан тюскен да. — Киргизы с гор спустились.

Баладары тойган да. — Ребята наелись.

Улькон дары уру койган да. — Большие воровство оставили.

Пословица о просе секемень

Секемень тары кеме джок. — Секемень просу нет ступы.

Алаканча окалайды. — На руке можно растереть.

Тэнтэк ксыгэ иль джок. — Безумному человеку не найти рода, племени (т. е. приюта).

Вариант песни о просе секемень

(записан у тогаса)

Таудан тогас тюскен джок. — С гор тогасы не спустились.

Секемень тары пискэн джок. — Секемень просо не созрело.

Тогас тюстэ этеккэ. — Тогасы спускаются.

Кой джуреды джетеккэ. — Бараны идут в поводу.

Джилама, балам, джилама! — Не плачь, дитя мое, не плачь!

Из космических легенд мы слышали у киргизов о сотворении первого человека, лошака и пшеницы, о сотворении коровьей печени, о пчеле и пиявке, о куланах, кабанах и других диких животных, о ссоре саксаула с сосной.

Саксаул и Сосна прежде были одного роста и родственники; Таволга стала сватать Саксаул за кустарник Баялыш. Саксаул испугался и желал спрятаться, бежал на равнину в пески и присел, оттого у него теперь кривой ствол. Сосна поднялась на горы и на цыпочки, чтобы увидеть, где скрылся Саксаул; оттого сосна стала высоким деревом. Баялыш озлился и сделался колючим, а виновница всего этого происшествия сваха-таволга покраснела от стыда, оттого у ней теперь красная кора.

Вкратце эта история изложена в следующих стихах:

Карагай саксаул куда булган,

Буйляй, буйляй, карагай узун булган,

Илчелик кэ тобулгэ джуремен дэб

Битер алмай иолганын кызыл булган.

Итыгиль (сказка)

У одного богатого киргиза было девять сыновей и скота несметное число. Эти девять сыновей стали проситься за скотом в отгон, что и позволил им отец. Оставшись один с женой и с необходимым числом скота, богатый человек осиротел и обеднел; скот вывалился, волость его откочевала, и он остался один среди степи; в это время один джилоучи (путешественник) заехал к ним и попросил поесть; отыскали старый заиндевевший кусок мяса за решеткой и сварили; проводив гостя, жена обедневшего богача стала беременною от этой тощей закуски и родила Итыгиля. Выросши, Итыгиль вздумал искать своих девять братьев и отправился в степь;

дошел он до своих братьев и нашел их сидящими в юрте, у которой было привязано девять жеребцов сивой масти; в другой раз он застал их в юрте, окруженной девятью карими жеребцами. Заметив его неотвязчивость, братья захотели узнать его намерения. Итыгиль объявил им свое происхождение и прибавил: отец мой беден, кочует одиноко, гоните скот на то урочище, где я его оставил, но братья отказались гнать, потому что скота было невероятное множество, да и согнать его было невозможно. Итыгиль выбрал коня, сел на него и поехал впереди — за ним весь скот добровольно пошел один за другим. Благополучно прибыв в ту долину, где стояла одинокая юрта его отца, девять сыновей потребовали себе жен. Отец их поехал искать, руководствуясь данным ему от сыновей условием: найти всех десять невест в одной семье. Два раза возвращался он без успеха и в третий ехал домой без ничего, как увидел на холме белую юрту, из верхнего отверстия которой высунулось несколько девичьих голов, певших песню. Пересчитав головы, он из веселого расположения перешел в мрачное, потому что до условного числа еще недоставало одной — их было только девять. В дверях сидела мать и спросила его, отчего он, проезжая мимо ее юрты, сначала обрадовался, а потом заплакал. Старик объяснил причину своей внезапной перемены. Тогда старуха сказала, что у нее дочерей столько же, сколько у него сыновей, и что брак совершить нет никаких препятствий. К тому времени подъехал отец этих девиц; он потребовал калым только за одну младшую дочь, которую они не выпускали на свет и звали Канджикей. За эту красавицу он потребовал такое количество лошадей, которыми можно было бы наполнить четыре долины, и притом каждую особой масти. Старик возвратился домой и рассказал своим сыновьям с ужасом о том калыме, который с него запросили. Но Итыгиль вышел на берег озера, и по его зову из озера начали выходить табуны, давя друг друга, и в непродолжительное время наполнили четыре назначенные долины. Заплатив калым, старик поехал с верблюдами за невестами и их приданым. Канджикей потребовала себе одну лошадь джалкуйрук и верблюдицу, которая могла на себе нести клад за сорок верблюдов. Желание ее было исполнено. Провожая невесту последнего своего сына, т. е. Кан-

джикей, старик остановился ночевать на озере; мать наказывала дочери не вставать у озера, которое попадется на пути, или пройти или не дойти. Но старик не послушался увещаний Канджикей, которые она ему стала было делать. Утром старик увидел верблюдицу заведенною в самую середину озера и пошел ее доставать, но шайтан схватил его за бороду. Шайтан принудил старика пожертвовать за свою свободу трехлетней свободой сына Итыгиля. Когда отец привез Канджикей к себе в аул, сделали той (пир), и девять его сыновей разобрали своих невест. Один Итыгиль не шел на пир, двое товарищей поехали уговорить его разделить праздник. Итыгиль и Канджикей оба знали о поступке отца. Канджикей отдала Итыгилю джалкуйрука и сказала: если конь этот умрет, то и ты умрешь, если нет, то и ты воротись; поезжай возвращать себе свободу; вот тебе филиново перышко, которое нужно зажечь, чтобы освободиться от чар шайтана. Итыгиль выехал к озеру; шайтан выскочил к нему, схватил за повод и возложил на него обязанность высватать за него дочь Тохтамыс хана. Итыгиль поехал. На дороге он встретил человека, который вертелся на одной ноге, и стал проситься с ним. "А к чему ты горазд? — спросил Итыгиль. — Я горазд бегать в байгу (бег)", — отвечал вертевшийся человек. Другой встреченный человек хвастался, что много может выпить вина, третий — что много съест мяса, четвертый — в бане сидеть. Наконец Итыгиль достигает кочевья Тохтамыс хана и делает предложение шайтана. Тохтамыс хан первоначально делает пир, который открывается бегом людей; хан предлагает Итыгилю состязаться, но тот посылает человека, которого первым встретил на дороге. Сам шайтан участвовал на празднике и старался воспрепятствовать успехам Итыгиля, но последний торжествовал, и тогда, когда Тохтамыс выставил чаны с вином, жареных быков и баню, жарко натопленную. Наконец была предложена байга: Итыгиль пускает джалкуйрука; джалкуйрюк сказал ему: свей по три аркана вместе и протяни в три ряда поперек того пути, по которому я буду пробегать, чтоб мне не пробежать и не убиться. Но Итыгиль забыл свить и только натянул в два ряда; джалкуйрюк рассек их, упал и расшибся; тут заплакал Итыгиль, вспомнив предсказание своей невесты. Джалкуйрюк, однако же, ожил, примолвив, что он воскрес не для него, а для Канджикей. Одержав по-

беду во всем, Итыгиль взял дочь Тохтамыса и повез ее туда, откуда приехал. Дорогой он услышал стоны под камнем. Дочь Тохтамыса не советовала внимать им. Итыгиль не послушался, отворотил камень и выпустил оттуда человека, который поблагодарил его. Но это был шайтан. Когда путешественники расположились на ночлег, шайтан подкрался к юрте, срезал джалкуйрюка, сел на него верхом и, схватив вышедшего из юрты Итыгиля, бросил под камень. Тут пригодилось ему перышко; он очутился в пропасти, но крылатый змей вынес его на себе оттуда. Вышедши на то место, где осталась дочь Тохтамыса, Итыгиль спрятался в камыш у речки возле дорожки. Служанка, проходя мимо, воскликнула: "Еще как-то жив ты, Итыгиль!". Итыгиль расспросил о жизни Тохтамысовой дочери. Оказалось, что шайтан каждый день посещал ее на джалкуйрюке и так его выморил, что оставил на нем одну кожу да кости; потому что никогда не пускал его на корм; Тохтамысова дочь принесла уже от шайтана ребенка. Итыгиль велел выпросить у шайтана позволение заколоть быка, употребив для этого хитрость, заставив кричать ребенка. Шайтан спросил, отчего кричит ребенок. Ему отвечали, что хочет быка. Разве мало скота у нас, сказал шайтан. Таким образом, было зарезано три быка. Сам Итыгиль был спрятан в это время в другой юрте, по ночам выходил и съедал быков. Так он три дня набирал силы, на четвертый срезал джалкуйрюка, закричал, связал шайтана и бросил под камень, а сам с дочерью Тохтамыса покочевал домой. Канджикей, отправляя Итыгиля в дорогу, сделала завет, что если он умрет, то в тот день ее верблюдица принесет верблюдицу, а если приедет, то тогда родит верблюжонка. Через три года никогда ни носившая детей верблюдица родила, и чапканчи прибежал в аул известить свою госпожу об этом событии. Канджикей, несмотря на ночную пору, сама побежала узнать, кого родила верблюдица. Дорогой ей встретился Итыгиль, но она не узнала его. Итыгиль остановил ее и стал расспрашивать: неужели у вас нет людей послать узнать о том, кого родила верблюдица. Но Канджикей, объяснив всю важность этого события, спешила пешком далее: оказалось, что родился верблюженок. Канджикей спешит обратно в аул, но ее уже встречают раньше и извещают о прибытии Итыгиля с двумя юртами и дочерью Тохтамыса. И так Итыгиль стал кочевать своим

аулом из трех юрт с двумя женами. Песнями киргизы очень богаты. Мотивы у киргизов существуют отдельно от песен; все киргизские песни можно спеть на один мотив, и, наоборот, любую песню можно спеть на все мотивы. Поэтому если просят что-нибудь спеть, то указывают и мотив, который желают услышать. Мотивы носят название по какому-нибудь признаку; так, например, один мотив называется джакут; это название сокращено от собственного имени Джанибек; так звали киргиза Кокбектинского округа, в которого влюбилась одна поэтесса, бежала с ним и сложила об этом песню с мотивом; этот последний и известен под именем Джакут. Есть также мотив: трясина мешки, который был составлен для песни, описывавшей какой-то отдаленный поход Аблая, в котором киргизы голодали и вытрясли все припасы из своих мешков.

IV. Киргизские названия растений

Аеингориз Иіогайз, Рагаі. — тюэгарын.

Ага еІеҗапз, ^ИУЫ. — казоту — гусиный корм. Джангубек³²
Суан.

Азігадаіиз Зіеуегзіапиз, Раіі. — тюлькютасак — лисьи половые яйца. Тума и Дж. Суан.

АпаБазіз арһуіа, карабарак.

АтудсЫиз папа, І. — кушгюнь. Т.

АНіит Зіеііегіапит, \^i11o!.? — койджуа. Любимый зимний корм овец в Восточном Тарбагатае.

Азрагадиз — кумсакыз — песочная сера.

Аішетііа уіідагіз, І. — тэнгэджапрак — широкий лист. Главный корм верблюдов и овец на альпах.

Веҗберіз һеіегоросіа, Зһгепк. — баургурт. Дж. С.

Веҗберіз зіБігіса. Тума давали нам название бергень; но, кажется, они смешивали его с крыжовником.

Саіорһаса уоідагіса, Fіsch. — майкараган — жирный караган. Дж. С.

Шеіісіопіит та^из, Н. — канчуб — кровавая трава.

Сігізіт асаііе, АН. — тюэтабан — верблюжий след. М.

³²

Сокращения названий киргизских волостей: Дж. С. — Джангубек Суан, кочуют по Аягузу в Сергиопольском округе, Т. — Тума, М. — Мурун, Торт. — Тортогул, кочуют в Южном Алтае, на Сартау, Б. — Байджигит.

Оарһпе айаиса, Раиі. — уусойкы — яд сойкы. Т. и Дж. С. Кора и древесина — очень популярное у киргизов лекарство от зубной боли; небольшой кусочек коры или древесины кладется на больной зуб.

Оасгуйіз діотегаіа, Ы.— бидаик. Дж. С.

Есһепаіз Зіеуегзіі Ызһ. еі Меу. (Спісиз зріпозіззітіз). — тюэтабан — верблюжий след. М. Сивере говорит, что это растение вкусом походит на артишок. Верблюды его очень любят. Впрочем, тюэтабаном также называется Сігзішп асаиіе, которому это название по наружности и приличнее.

Есһіпорзііоп — изэн. Дж. С. Корм, уважаемый всеми родами скота.

Еиігоііа сегаіоісіез, С. А. Меу. — тэрэскень.

Егуцд'шт — истыкджапрак — горячий лист. Дж. С.

Еіуітшз всяк. вид. — бидаик, тарлау. Дж. С. и М.

Еирһогґіа — сютьюгун — точащая молоко.

Егетозіасһуз рһіотоісіез, Вип§. — чубурчук. Дж. С. и М. Употребляется киргизами от зубной боли; для этого курят его клубни в трубке и дым задерживают во рту.

Е^иізе^ит — крыкбуун — сорок узлов. Дж. С. Едят его только лошади, но ни коровы, ни овцы не едят.

Егуіһгопіт Оепз сапіз, Ы. — кандык, М. Бэк. Торт. Тортогулы считают его вредным для коров; если они едят его во время неурожая трав, то у них пухнет вымя и коровы умирают. Киргизы едят это растение. Урянхайцы, кочующие в Алтае за Канасом, делают из него кашу.

Ғезіса ОУПЭ, һ. — битэгэ. Лучший корм для лошадей.

Ғіііііагіа — сатэкэ. Дж. С. Дикие гуси любят ее луковицы. Ғадагіа уезса, һ. — бульдергень. М.

Сіусуғһіа — мия.

Нитиіиз Бириіиз, Ы. — чирмаук, кулмак. НиҺһетіа БеҒеҒіҒоіа, Оитогі. — темир тэкэн — железная колючка. Дж. С. Навар этого растения киргизы пьют от боли живота.

Несіуагит — карығыз — старая дева. Дж. С. Называется так за прицепки на плодах, посредством которых они крепко пристают к платью, и отделаться от них так же трудно, как отцу от старой дочери.

Ногсіент ргаіепзе, *L.* — мысыкгюйрук. Б. Один киргиз рассказывал случай, как один лекарь из байджегитов вылечил этим растением воспаление слизистой оболочки в половом стволе.

Нуозсуатиз піҫег, Б. — меньдуана. Јнија Неіепит, Б. — карадыс. Кочіа ргозіаіа, Зсһгао!. — караматау. Батішті аҫшп, Б. — аксергешь. Киргизские дети высасывают из венчиков медовый сок. Бараіера іһиһиҫіаса, *h.* — узункурай. Т. Біішті Маг1аҫоп, *L.* — сарала. Т. Луковицы этого растения кладут в овечий сыр для приправы. Біпит регеппе, *h.* — байчичек, Т. Бопісега Іаіагіса, Б. — ушкат.

Мугісагіа аіоресігоіоіез, Зсһгепк. — балгын. М. и Б. Дерево его считается одним из крепких.

Бііагіа ЗсһоБегі, *h.* — актэкэнь. Дж. С, сарыбарак. М. Роіепіііа Б. — маджряджусан. Дж. С.

Роіудопш Бахтаппі, Бер. саумалдык; саумал — парное молоко. М. Киргизы жуют стволы ради кислого сока, находя в нем сходство с кумысом.

Ро1уҫопит *h.* — тамырдары — дорогое лекарство. М. Растение это встречается на северном берегу озера Зайсан. Киргизы приписывают ему одинаковое действие с сассапарелью, которую называют также тамырдары.

Раеопіа іпегтеоііа, С.-Д. Меу. — чаучумулдык. М. Корень этого растения употребляется киргизами во время голода; из него с молоком приготавливали кашу. Лет 20 тому назад был голод, во время которого многие киргизы прибегали к этому суррогату. В половине прошлого столетия, после завоевания и разорения Джунгарии китайцами, корень Раеопіа вместе с сараной служил пищей урянхайцев, кочевавших в то время в Южном Алтае.

Рарауег аірішті, *L.* — тэкэнэк. Т. Ріегососсиз арһуіиз, Раіі. — джусгунь. М. Ветви его употребляются на мурундуки, продеваемые в ноздри верблюдов. Кһешп — раваш. М.

Кшпех Асеіоза, Б. — кумыздык кумыз — кислое кобылье молоко. КіБез асісіаіаге, Зтііһ. — точала, Т. КіБез Оіасапһа, Раіі. — чирганак. М.

Зіра саріііаіа еі реппаіа, *L.* — садаккудэ. М. сиирчуб — коро-
вья трава; киргизы, кочующие близ Семипалатинска. Ось (агізіа), назыв. слеу. Она вонзается в щеки лошади и в десны. Однажды убили волка, у которого кожа была в загноившихся занозах — слеу.

Поэтому растение слеу считается дурным. Есть киргизская пословица, записанная доктором Большим на Сырдарье и известная в долине Зайсана: "Джеман иль Тлеу, джеман чуб слеу" — волость Тлеу худая-худая трава слеу.

Зесіт ригригеит, Біпк. — кокомарал. Т. Киргизы пьют эту траву от грудных болезней. Зетрегуіуит — каскыр джемыс — волчья еда, Дж. С. Козугюйрук — ягнячий хвост. Т.

Тгідопеііа зігаіа, Б. — джунгурчка. Т. Этим же именем называются разные виды вики.

ТгоНшз аґаісіз, С. А. Меу. — кызылбас — красная голова. Т. ІМіса саппаБіпа, І. — кышмакурай — зудный стебель. М. Уассапа, уидагаіз, Нозі. — кэкрэ. Употребляется от зубной боли; сушеную траву кладут на зуб. Лошади, наедаясь этой травы, пропадают.

\\Лсіа разных видов — джунурчка. Т.

УегБазсит Зоопдогісит, Зчгепк еі Тһарзіз, Б. — кулангойрук — хвост кулана. Дж. С; кулангурай, куланий стебель; ходжагурай. — Дж. С, М. и Т. Уегаігат аБит, Б. — уукоргасын. М.

Культурные растения

Рожь — кара бидай, муруны на Зайсане. Каранайза в Семиречинском крае. Карасюля на Сырдарье (доктор Большой). Арыш — киргизы Кокчетавского округа. Арыш — у томских татар туземного происхождения.

Пшеница — бидай. Породы ее, засеваемые в Зайсанской котловине: кызыл-б., ак-б., аккуть, тэкэнэк, шан.

Ячмень — арпа. Одна из его пород называется джаланаш-а. — голый ячмень. Просо — тары. Породы его: кызыл-т., кара-т., кула-т. и секемень-т.

Горох — бурчак. Породы его: буурул-б., кок-б., ак-б. и джасьшык (мелкий горох).

Лен — загыр.

Лучшим кормом киргизы считают: для лошади — битэгэ (Ғезішса оуіпа), кудэ (Зііра реппаіа), кренкей, иркэк; для овец — изэн (Ешіпорзііон), сасыр, джуусан, болдырган и джапрак (АІсһетіНа